

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1684](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684)

Д. Г. Подвойский

(У)СТРОИТЕЛИ ТЮРЕМ, ИЛИ КАК ИНСТИТУТЫ СТАНОВЯТСЯ ВРАГАМИ ЛЮДЕЙ? (ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ)

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г. (У)строители тюрем, или Как институты становятся врагами людей? (перечитывая классиков) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 29—70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2020) Arranging an “Iron Cage”, or How Institutions Become Human Enemies (Revising the Classical Theories). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 29—70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684>. (In Russ.)

(У)СТРОИТЕЛИ ТЮРЕМ, ИЛИ КАК ИНСТИТУТЫ СТАНОВЯТСЯ ВРАГАМИ ЛЮДЕЙ? (ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ)

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru

https://orcid.org/0000-0002-7396-1828

Аннотация. В настоящей статье исследуются логика и механизмы «перерождения» социально-групповых образований, их структурной реконфигурации/«мутации» в процессе кристаллизации и формирования социальных институтов. Особый акцент делается на выявлении противоречивого и парадоксального характера институционализации социальных отношений. Рассматриваются такие прецедентные примеры метаморфоз социальных структур как рутинизация харизмы, превращение секты в церковь, контркультуры в культурный мейнстрим, олигархизация, бюрократизация, эволюция социальных движений. По ходу изложения автор обращается к ряду классических социологических концепций, интерпретирующих феномены социально-групповых и организационных трансформаций, наблюдаемых во многих типах общественных структур, и приводящих к сущностному видоизменению последних. Среди прочего отмечается вклад в исследование обозначенной проблематики М. Вебера, Р. Михельса, Й. Шумпетера, Ж. Эллюля и др. Общей рамкой анализа при этом становится концепция «трагедии культуры» (Г. Зиммель), постулирую-

ARRANGING AN “IRON CAGE”, OR HOW INSTITUTIONS BECOME HUMAN ENEMIES (REVISING THE CLASSICAL THEORIES)

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Sociology; Leading Researcher E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru https://orcid.org/0000-0002-7396-1828

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia

Abstract. The article is focused on the logic and mechanisms of transformation of social and group structures, their reconfiguration and “mutation” in the process of crystallization of social institutions. Special emphasis is made on indentifying an ambiguous and paradoxical character of the institutionalization of social relations. The article examines precedent examples of social structure metamorphoses such as routinization of charisma, transformation of a religious sect into a church, transformation of counterculture into mainstream, oligarchization, bureaucratization, evolution of social movements. The author uses a number of classical sociological theories interpreting the phenomena of social and group and organizational transformation observed in many types of social structures. Besides that, the article analyzes the contribution to the topic made by M. Weber, R. Michels, J. Schumpeter, J. Ellul etc. The framework of the analysis is G. Simmel's concept of the tragedy of culture highlighting a fundamental conflict between individual's creative aspect as a subject of actions and stable (institutionalized and objectivized) forms of collective experience which put multiple limitations on the manifestation of

щая фундаментальный конфликт между творческой агентностью индивида как субъекта действия и устойчивыми (институционализированными и объективированными) формами коллективного опыта, накладывающими множественные ограничения на проявления «свободы» актора и определяющими (исторически складывающиеся и закрепляющиеся) структурные контексты общественной жизни.

Ключевые слова: «трагедия культуры», творчество, объективация, контркультура, институционализация, рутинизация харизмы, секта, церковь, социальные движения, олигархизация, отмирание предпринимательской функции, бюрократия, «железная клетка»

the actor's freedom and determine the structural contexts of social life.

Keywords: tragedy of culture, creativity, objectivization, counterculture, institutionalization, routinization of charisma, sect, church, social movements, oligarchization, regression of entrepreneurial function, bureaucracy, iron cage

Творец и его творения: странная диалектика

Люди думают, чувствуют, делают что-то поодиночке и сообща, вступают в те или иные отношения. Эти отношения сохраняются, воспроизводятся во времени. Одни люди уходят, другие занимают их место, а отношения остаются, хотя и меняются быстро или медленно. Люди ставят цели, к чему-то стремятся. В результате их действий многое получается, но далеко не всегда именно то, на что они рассчитывали. Порой то, что получилось, начинает им откровенно досаждать. Они оглядываются назад и, положив руку на сердце, вынуждены признать: то, что «получилось» — дело их собственных рук, хотя не этого они хотели, не это планировали. Продукты индивидуального и коллективного человеческого поведения образуют сложные цепочки, включающие множественные звенья так называемых непредвиденных последствий. Поколения, сменяющие друг друга на исторической сцене, каждое на свой лад продолжают в них путаться и одновременно кусать себе локти. У некоторых особо чувствительных индивидов даже развивается на этой почве своего рода синдром «строителей тюрем», сопровождающийся ощущением будто «мы собираем машину, которая всех нас раздавит» — и не только в какой-то «последний», отдаленный судный час, в будущем. Машина работает постоянно, в текущем настоящем (как и работала в прошлом), поскольку процесс коллективного *тюрьмо-у-строительства* продолжается изо дня в день, приобретая обыденные, рутинные формы.

Почему продукт человеческой деятельности нередко оборачивается против человека? Почему творение господствует над творцом? Почему стремятся к одному (хотят как лучше), а получается другое (как всегда)? Почему благими намерениями вымощена дорога в ад? Почему «традиции минувших поколений довлеют как

кошмар над умами (и делами) живых»? Почему институты так часто становятся врагами людей? И дело не в том, что они создаются в результате условно случайного сложения злонамеренной воли одних (меньшинства) и наивности других (большинства), как можно было бы подумать, читая «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства...» Ж.-Ж. Руссо. По крайней мере, дело не только в этом. Строители тюрем обычно верят, что они возводят какое-то иное, более прекрасное здание. Но имманентная хитрость самой процедуры конструирования обманывает, подчиняет себе незадачливого строителя.

Какова природа и механика парадокса? Эти вопросы слишком широко поставлены, а ответов может быть много. Сам разговор об этих сюжетах требует нюансировки — в зависимости от угла зрения и сферы, в которой он разворачивается. В любом случае, описываемый противоречивый процесс трансформации — от человека к его порождениям и обратно — не остался незамеченным и «обыгрывается», интерпретируется на протяжении столетий в философии, литературе и искусстве, социальных науках, религии, обыденном сознании.

Самую широкую рамку для разговора предлагает философия, например, философия жизни и отчасти производный от нее экзистенциализм. При этом в ряде случаев философия и социология глаголят одними устами. Поздний Зиммель в концепции трагедии культуры переводит актуальное для его социологии противопоставление «содержания» и «формы» в универсальный масштаб извечной оппозиции жизни и ее конкретно-исторических объективизаций и воплощений в экономике, религии, искусстве и т. п. [Зиммель, 1996: 494—516]. Бергсоновский *élan vital*, энергетический первоисточник всех продуктов «творческой эволюции» усилиями человека кристаллизуется в формах материальной и духовной культуры, а кристаллизация в большей или меньшей степени предполагает застывание, затвердевание. Иначе невозможно! Морфогенез жизни протекает как процесс формообразования и формозакрепления. Человеческие потребности, цели, ценности и интересы закрепляются в устойчивых конфигурациях взаимодействий, — в том, что Зиммель называл формами обобществления (*Vergesellschaftungsformen*).

Всякое «что» оборачивается «как» и это «как» становится важнее, приобретая собственную инерцию. Люди не могут просто любить друг друга или рожать детей, но создают семью; они не могут просто верить в бога, но идут в церковь и ставят свечку или принимают участие в мессе; не могут просто орудовать кистью и красками по холсту, пером или ручкой по бумаге, но ставят себе рамки, заданные «канонами» художественного стиля/жанра (делая это осознанно или нет). В ходе подобного ни на минуту не прекращающегося социального морфогенеза возникают и/или воспроизводятся институты, нормы, традиции, шаблоны, образцы, правила... В итоге мы имеем порочный круг: люди оказываются заложниками собственного коллективного детища, а продукты их мыслей и действий выскальзывают из рук создателя и начинают жить своей особенной жизнью.

Разумеется, жизнь без правил и устойчивых форм организации была бы невозможна. «Люди создают структуры, стремятся рутинизировать свою деятельность... Каждое человеческое сообщество, каким бы малым или большим оно ни было, создает определенные ...образцы поведения. Критическая для всех сообществ

проблема заключается не в том, может ли оно существовать без институциональных структур, но в том, может ли оно создать структуры, которые не превращали бы себя из средства — в цель, нечто самодовлеющее» [Гараджа, 1995: 120]. То есть процессы институционального и культурного формообразования (при всей их неизбежности и «естественности») не перестают от этого казаться менее драматичными и травматичными, — поскольку человек как соучастник акта творения социальной вселенной имеет все основания чувствовать себя не только окрыленным, но и пойманым в ловушку (причем, что особенно обидно — сконструированную и поставленную им собственноручно).

В процессуальной логике философии культуры Зиммеля жизнь то и дело разносит в щепки собственные временные постройки, но тут же приступает к строительству новых песчаных замков. Такой процесс исторического формотворчества напоминает процедуру лепки куличиков на берегу океана. Однако, нет ничего более постоянного, чем временное. Отдельный человек в своем настоящем, том, которое досталось именно ему, оказывается несравнимо слабее любой подобной конструкции, например, рабства или крепостного права, институтов брака и наследования имущества, образования или системы разделения труда, господствующих в конкретную эпоху нравов, вкусов, верований и т. п. То, что для жизни на социетальном уровне и в глобальной перспективе является «песком», отдельным человеком может восприниматься как застывший цемент, — нечто такое, что не подлежит демонтажу при посредстве лишь индивидуальных усилий. Поэтому институциональные и культурные формы в любой исторически конкретный момент времени наделены мощной [принуждающей] силой по отношению к индивиду и обладают весомым репрессивным потенциалом как действенные средства социального контроля мышления и поведения.

Трагедия культуры может быть представлена как трагедия творчества. Яркая экспозиция подобного взгляда содержится в философской публицистике Н. А. Бердяева.

Творчество и объективация противопоставляются друг другу. Творчество напрямую связано со свободой. Оно есть порыв и прорыв, духовный подвиг, дерзновение, выход за пределы обыденного и привычного, устремлено к концу этого греховного, несовершенного, будничного, прозаического мира. В этом смысле творчество апокалиплично, революционно, надмирно. И есть объективация, — скорлупа, «мирское» — условия, среда, рутина, будни, закономерности, правила, нормы, фон, отягощающие творческий полет, притягивающие к земле. Поэтому, собственно, воплощение творческого акта неизбежно двойственно и трагично. Высокие идеи не достигают мира, или вырождаются, вульгаризируются, опошляются, и это имеет место во всех сферах человеческого опыта. Мирские институты экономики, политики, церкви, семьи... убивают творчество и свободу. Любовь — хорошо, семья — плохо, стремление к справедливости — хорошо, практика социализма — плохо, Христос — хорошо, «историческое» христианство — плохо, и т. д. Творчество, «дух» гибнет в объективации. Хотя Бердяев как религиозный мыслитель верит, что может быть и как-то по-другому, не здесь и сейчас, в любом конкретном настоящем, но по ту сторону исторически ограниченных форм человеческого общежития и бытования культуры, в преображенном грядущем царстве Духа.

Авторская манера Бердяева слишком эффектна, чтобы не предоставить ему слово лично:

«В творчестве есть две стороны и два смысла. Есть внутренний творческий акт и есть творческий продукт, обнаружение творческого акта вовне... Творящий субъект поставлен перед миром объективации, и результаты творческого акта должны войти в этот мир объективации. В этом трагедия творчества... Творческий акт есть акт н[о]уменьшительный, но он создает продукт, принадлежащий феноменальному миру... Творящий, находящийся в состоянии творческого взлета, в сущности, стремится не к реализации цели, а к выражению этого своего состояния... Но ... творящий не может остаться в себе, он должен выйти из себя. Этот выход из себя обычно называют воплощением, которому придают объективный характер по преимуществу... Творческий акт устремлен к бесконечному, форма же творческого продукта всегда конечна...

Парадокс заключается в том, что творчество и искусство (не только художника) между собой неразрывно связаны и вместе с тем находятся как бы в конфликте и нередко враждебны друг другу. В методически разработанном научном познании может исчезнуть творческая интуиция, в совершенных классических формах художественного произведения может быть охлажден творческий огонь художника, в выработанных социальных формах человеческого общения может исчезнуть первоначальная жажда справедливости и братства людей, в застывших формах семейной жизни может исчезнуть огонь любви, в традиционных церковных учреждениях может ослабеть и исчезнуть вера в пророческий дух. Воплощение духа может оказаться объективацией духа, и тогда дух нельзя уже узнать в его воплощениях. Объективный дух есть *contradictio in adjecto*, есть иссякание духа. И на этом держатся организации человеческого общества и цивилизации. И всякий раз, когда человеком овладевает воля к могуществу в этом мире, он вступает на путь охлаждения и иссякания духа, на путь рабства этому миру...

Нужно решительно признать, что есть роковая неудача всех воплощений творческого огня, ибо он осуществляется в объектном мире. Что выше — св. Франциск Ассизский, самое явление его единственной в истории христианства религиозной гениальности, или созданный им францисканский орден, в котором угас дух св. Франциска и победила обыденность? Что выше — Лютер и пламенно пережитая им религиозная драма или созданные им лютеранские церкви, пасторы и теологи XVIII и XIX веков, в которых торжествует рационализм и морализм? Что выше — раскрывшаяся в Ж.-Ж. Руссо новая эмоциональность или дела его последователей, якобинцев? Что выше — сам Ницше с гениально и пламенно пережитой им трагедией человека или люди и движения, бесстыдно им пользующиеся? Ответ слишком ясен. Но история мира знает одну самую страшную творческую неудачу — неудачу христианства, дела Христа в мире. История христианства была слишком часто распятием Христа. Нет ничего ужаснее и мрачнее, чем объективация в истории того огня, который Христос низвел с неба»¹ [Бердяев, 1995: 252, 253, 255].

¹ Здесь, вероятно, нелишним был бы и пример идей социализма/коммунизма и их исторических мутаций (особенно в контексте российских реалий XIX—XX вв.) — тема, к которой Бердяев обращался во многих своих работах.

Но грустно думать, что напрасно...

Почему так? У этих процессов есть общая логика и тысяча разных оттенков и форм проявления в разных сферах. Рассмотрим некоторые «кейсы» с помощью классиков².

Множество примеров дает нам художественная литература, описывающая столкновение идеалов человека, обычно молодого, с «несовершенной» действительностью за окном. Следствиями такого столкновения могут оказываться ментально-психологический шок, депрессия, ломка мировоззрения, разочарование (в людях, окружающем мире и/или в собственных идеалах и ценностях), уход в себя, разрыв отношений, разные формы поведенческих девиаций, вплоть до самоубийства, постепенное приспособление к существующему порядку вещей и общему течению жизни, и т. д. и т. п. Процесс втягивания во взрослую жизнь для молодого романтика оказывается путем трудных компромиссов. Порой этот путь сопровождается тем, что на языке литературы называется душевным очерствением.

Царь берендеев из «Снегурочки» сетует: «В сердцах людей заметил я остуду/ Короче, друг, сердечная остуда повсюдная, — сердца охолодели...». Человек, волей-неволей осваивающий социальные репертуары повседневности, может чувствовать себя птицей с переломанными крыльями, ощущать, что он совершает предательство по отношению к собственным былым идеалам, высоким надеждам и стремлениям юности. На этой почве разворачиваются типичные межпоколенческие конфликты, в которых молодой предстает идеалистом, романтиком, революционером и мечтателем, а взрослый/старый/повзрослевший — циником и прагматиком, житейским рационалистом и апологетом статус-кво.

Приехавший в «чужой дом» путник на призыв-вопросание «Али жить у вас научились? Двери настезь у вас, а душа взаперти. Кто хозяином здесь? — напоил бы вином» получает симметричный ответ: «Видать, был ты долго в пути — и людей позабыл, — мы всегда так живем!». И что остается страннику после такого приема? — мчаться куда глаза глядят, подальше от этого проклятого места. Хотя весьма вероятно, после посещения других домов, он придет к выводу, что все жилища рода человеческого устроены приблизительно одинаково. А учиться жить среди людей (тех, кто «в зле да шепоте, под иконами в черной копоти») как-то надо.

Внутреннее перерождение молодого мечтателя под влиянием множественных охлаждающих душевный пыл условий происходит как бы само собой, причем не мгновенно, а постепенно. Фазы такого перехода тщательно выписаны И. А. Гончаровым в романе «Обыкновенная история». Некогда чувствительный и восторженный юноша Александр Адуев проживает свою биографию как путь душевного охлаждения и примирения с действительностью до логического конца, превращаясь в конце концов в закоренелого виртуоза манипуляции людьми и обстоятельствами, холодного и беспринципного носителя пресловутого «здравого смысла». Иначе говоря, он вырабатывает в себе все те качества, которые он раньше ненавидел и презирал. Житейские наставления трезвомыслящего, успешного и энергичного дяди, поначалу ужасающие племянника, разбитые

² В первую очередь классиков мировой общественной мысли.

чувства, обманутые ожидания, череда неудач в личных отношениях и карьерной сфере, периоды отчаяния и пассивности, ... и в целом, комплексное погружение в контекст жизни Петербурга, города, прививающего черствость и расчетливость как стиль, и выбраковывающего не соответствующих ему как неудачников, — все это вносит свою лепту в формирование личности героя. Название романа говорит само за себя: историю подобных метаморфоз человеческой души и вправду можно считать «обыкновенной», в некотором роде социально типической.

Можно ли считать такой путь неизбежным, фатальным? Однозначного ответа нет. Имеются, однако, многочисленные живописные фиксации внутреннего трагизма обозначенной личностной динамики. Приведем три общеизвестные иллюстрации (кому какая по вкусу, хотя, в сущности, речь тут идет почти об одном и том же).

Александр Пушкин

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холост
С летами вытерпеть умел;
Кто странным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.
Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

Юрий Аделунг

Мы с тобой давно уже не те,
Мы не живем делами грешными:
Спим в тепле, не верим темноте,
А шпаги на стену повешены.
В нашей шхуне сделали кафе,
На тумбу пушку исковеркали,
Истрачен порох фейерверками,
На катафалк пошел лафет.
Мы с тобой давно уже не те,
И нас опасности не балуют.
Кэп попал в какой-то комитет,
А боцман служит вышибалою.
Нас теперь не трогает роса,
На парусах уж не разляжешься —
Пустил артельщик разгулявшийся
На транспаранты паруса.
Мы с тобой не те уже совсем, —
И все дороги нам заказаны:
Спим в тепле на средней полосе,
Избрали город вечной базой.
Знаю — нам не пережить зимы,
А шхуна — словно пёс на привязи,
Кривая никуда не вывезет —
Ведь море ждет нас, черт возьми!
Море ждет, а мы совсем не там, —
Такую жизнь пошлем мы к лешему.
Боцман — я! Ты будешь капитан.
Нацелим шпаги потускневшие.
Мы с тобой пройдем по кабакам,
Команду старую разыщем мы...
А здесь, а здесь мы просто лишние, —
Давай, командуй, капитан!

Андрей Макаревич

На берегу так оживленно, людно,
А у воды высится как мираж
Древний корабль, грозное чье-то судно,
Тешит зевак и украшает пляж.
Как не воюй, годы, увы, сильнее,
Как ни верти, время свое возьмет,
Сгнили борта и нет парусов на реха,
И никогда полный не дать вперед.
Зато любой войдет сюда за пятачок,
Чтоб в пушку затолкать бычок,
И в трюме посетить кафе и винный зал,
А также сняться на фоне морской волны,
С подругой, если нет жены,
Одной рукой обняв ее,
Другой обняв штурвал.
Был там и я, и, на толпу глаза,
С болью в душе понял я вещь одну,
Чтобы не стать таким вот музеем,
В нужный момент лучше пойти ко дну.

При желании можно было бы составить целую антологию из подобного рода мотивов. Для литературы и поэзии они по понятным причинам являются исключительно сензитивными. Однако ясного ответа на вопрос «почему?» нет: каков источник дегероизации жизни, почему повсюду торжествует «мещанство», а деловые интересы ставятся выше порыва души, почему творчество, романтика, праздник, свобода... превращаются в рутину, прозу, будни..., почему яркая жизнь вырождается в обывательскую и везде наблюдается тенденция, которую Макс Вебер называл *Veralltäglichung* (буквально — оповседневнивание)?

Процессы, о которых здесь идет речь, носят по преимуществу социальный характер, выходя за рамки дрейфа индивидуальной биографии конкретного человека. И индивид покоряется системе не просто из-за личной слабости.

Интересные и показательные примеры предлагает история контркультурных, субкультурных и молодежных движений по всему миру. Конфликты отцов и детей вполне типичные для поколенческой динамики обществ модерна являются диахронно зацикленными, похожими на заезженную пластинку. Молодежные бунты против старших поколений³ ничем не заканчиваются (кроме того, что дети становятся похожими на отцов на новом витке (разумеется, в общем и целом, *mutatis mutandis*)). Контркультура вписывается в мейнстрим. Андеграунд покидает подвальные помещения, и при удачном раскладе и грамотном продвижении прорывается на большие подмостки, собирая приличные гонорарные урожаи. Эксперименты и новации становятся достоянием массовой культуры, девальвируются, превращаясь в духовный суррогат. Дрэды расплетаются, пирсинг удаляется, из шкафа вынимаются деловые костюмы... Хиппи становятся яппи. «Перебесившиеся» битники, дети цветов, панки, металлисты, рокеры, анархисты, дауншифтеры, представители бесчисленно количества субкультур пополняют армию «цивилов» и офисного планктона. Вчерашние неформалы становятся сегодня карьеристами, обывателями, конформистами, обзаводятся семьями, приобретают недвижимость, занимаются рациональным планированием жизненного пути... Их место занимают новые тяготящиеся контролем «правдоискатели», обреченные повторить судьбу предшественников — в их безнадежной погоне за неуловимой свободой вопреки обществу с его наличествующими в конкретный момент (и всегда кого-то не устраивающими и обременяющими) устоями, традициями и образцами.

«...В тридцатилетнем возрасте человек оказывается перед непростым выбором. Можно сохранять подростковое бунтарство (курить коноплю, тусоваться, игнорировать всякую ответственность, не говоря уж о моральных ограничениях) и оставаться свободным. А можно продаться, играть по правилам и, таким образом, стать невротичным жалким конформистом, неспособным испытывать настоящее удовольствие. Третьего не дано» [Хиз, Поттер, 2007: 74]. Большинство выбирает второй вариант, особенно на той стадии вовлечения в социальные отношения, когда назойливые сетования старших из серии «тебе давно пора остепениться!» становится трудно пропускать мимо ушей.

Канадские авторы Дж. Хиз и Э. Поттер в книге «Бунт на продажу» [там же], посвященной комплексному анализу феномена контркультуры, проводят мысль, что американский антибуржуазный нонконформизм, расцветавший пышным цветом как своего рода альтернативная идеология и стиль жизни и пользовавшийся большой популярностью прежде всего в молодежных кругах, начиная с 1960-х годов, являлся в значительной степени формой псевдобунта, своего рода маркетинговым трюком, умело вписывавшим эффектную статусно и символически привлекательную оппозиционность в масштаб социального космоса общества потребления.

³ В обществах домодерновых эпох таких коллизий, скорее всего, не наблюдалось, поскольку ценность индивидуальной свободы и самоутверждения там еще не была актуализирована для широких слоев населения. Дети могли завидовать власти и авторитету старших, но не упрекать их в предательстве высоких идеалов или обвинять в приспособленчестве.

Справедлив ли такой жесткий разоблачительный приговор? Следует ли считать кумиров нонконформистски настроенной молодежи обычными лицемерами, которым риторика бунта приносит дивиденды, барыш, популярность? Лукавят ли творцы контркультуры, специально создавая «бунт на продажу»? Аргументы, приводимые Хизом и Поттером в пользу положительного ответа на подобные вопросы, небесспорны, но все же контекст эволюции контркультурных идей и движений кажется более сложным, противоречивым и трагичным. Оценивая социально-критический потенциал контркультуры и наблюдая за ее метаморфозами в обществе потребления, можно прийти к выводу, что специфические (нивелирующие реальную опасность для статус-кво) трансформации культурной критики доминирующих практик и институтов являются неизбежным следствием характера бытования всяких оппозиционных идей в условиях позднего капитализма: рыночная экономика, реклама, массовая культура, технократия и бюрократия... поглощают любую форму протеста, подчиняя ее собственной логике.

Между тем использование околomarксистской фразеологии может сбить с толку: дело не только в коварном капитализме, на который привыкли списывать все возможные грехи левые интеллектуалы (и не они одни). Поэтому вернемся к исходной постановке вопроса: почему «жизненный порыв» актора/творческой человеческой агентности вязнет в зыбучем песке правил и институтов, хотя сами эти правила и институты генерируются именно людьми (хотя лишь отчасти преднамеренно), и почему результат совокупных действий так часто оказывается не похож на исходный мотив, причем настолько, что приходится порой говорить о выворачивании мотива наизнанку?

Превращение контркультуры в мейнстрим, андеграунда в масскульт — процесс в некотором роде подобный превращению секты в церковь, или олигархизации радикальных политических партий. Сходная динамика наблюдается в эволюции науки, интеллектуальных движений и искусства. В теории парадигм следствием смены картины мира оказываются выработка новых норм и паттернов познавательной деятельности, закрепление новых отношений власти и социального контроля в научных сообществах, что знаменует переход к «нормальной» (нереволюционной) фазе жизни науки. В истории искусства, соответственно, — когда складывается определенный стиль, канон, доминирующая форма (жанр, манера письма, типичные эстетические приемы и решения, способы работы с материалом, и т. п.), они с неизбежностью начинают ограничивать, регламентировать, фреймировать творческие усилия художников — ровесников конкретной эпохи (а стремление к признанию и распространению творческих новаций вопреки господствующему стилю обычно сталкивается на своем пути с ощутимыми препятствиями).

Можно говорить об общей закономерности жизненного цикла общественного движения — от протеста к компромиссу, или от социального беспокойства и всеобщего возбуждения (на ранних стадиях) к *формализации и институционализации* (на зрелых и поздних) [Блумер, 1994]. При столкновении с требованиями социальных будней эмансипационный и революционный потенциал движения снижается, непримиримость, оппозиционность и принципиальность ослабевают. В конечном итоге идея и движение погибают или вырождаются и инкорпорируются в доминирующую институциональную и культурную структуру, возможно, ее

как-то обогащая и изменяя. Даже если движение побеждает, отправляя в прошлое отжившие свой век институты и традиции, оно с течением времени само принципиальным образом перестраивается. Бунтари либо выходят из игры, либо становятся оппортунистами или умеренными. На смену радикалам и романтикам приходят карьеристы и просистемные функционеры. Нонконформизм постепенно сходит на нет. Нормативный порядок, хотя и отчасти модифицированный, восстанавливается в новых устойчивых формах, ассимилируя и поглощая творческие импульсы социальной агентности, креативный потенциал индивидуального или коллективного действия.

Эти процессы имеют свою внутреннюю логику, которую можно проследить на многих «социологически типических» примерах. Один из них, имеющий к тому же хрестоматийную теоретическую экспозицию (Макс Вебер [Вебер, 2016: 279—292; Вебер, 2019: 178—227], Эрнст Трёльч [Troeltsch, 1994]), — так называемая рутинизация харизмы.

«Божественный дар» в тисках повседневности

Новое религиозное, духовное, (в ряде случаев политическое, etc.) движение обычно зарождается как секта — небольшая относительно сплоченная группа единомышленников. Вокруг фигуры учителя, пророка, предводителя, вождя объединяются ученики и последователи. Авторитет лидера в таком движении имеет личностную, а не должностную природу. Учеников вполне убеждает аргумент: в законе сказано, но я говорю вам! Они готовы идти за учителем на край света и пожертвовать на этом пути многим. Их выбор нешуточный, и этот выбор — не для «слабаков». Проповедь учителя, обещающего новое небо и новую землю, для каждого внешне слушающего его адепта воспринимается как благая весть. Отношение к ней крайне серьезное; ловится буквально каждое слово. Все, что говорится пророком, принимается слушателями «близко к сердцу» и «на свой счет», приобретает глубокий смысл и меняет порядок существования. Членство в группе становится делом всей жизни. Участники движения не обязательно стремятся к внешнему преобразованию социального универсума в целом, но непременно (и эта цель для них гораздо важнее) к внутреннему духовному перерождению. Часто они ограничиваются задачей радикального переустройства отношений в масштабах локального социального микрокосма, т. е. среди узкого круга членов секты.

Принадлежность к такой группе определяется как «духовное братство», и это не просто эффектная риторическая фраза: в идеально-типическом смысле секта — структура горизонтальная. Исключение составляет отношение к предводителю общины, но и он, несмотря на всю мощь приписываемого ему «божественного дара», производящего любовь и преклонение последователей, находится «вот здесь, рядом», на расстоянии вытянутой руки: разделяет трапезу, труды, невзгоды и испытания с учениками, живет такой же скромной жизнью, как они. Ученики могут боготворить учителя, вознося его на не достигаемую для простых смертных духовную высоту, но в то же время он будет оставаться одним из них, первым среди равных. В социологическом смысле секта эгалитарна и элитарна одновременно: она демократична изнутри, для тех, кого приняли и признали достойными,

снаружи же она предстает как группа избранных, членство в ней добровольное, но не каждого возьмут, — слишком высока планка.

Секта в своем желании идти «другим»/«особым» путем и во внутреннем (а возможно, также и внешнем) отвержении правил, диктуемых окружающей «несовершенной реальностью», может быть весьма категоричной. Конфликт с «миром» может иметь различную теоретическую или идеологическую подоплеку (этическую, политическую или иную) и проявляться в разных формах неприятия мирских порядков — от открытого сопротивления до максимально возможного избегания контактов, ухода, физического и/или духовного бегства. Даже если прямого конфликта нет, обычно ощущается напряженность в отношениях с «миром», или, по меньшей мере, имеет место принципиальная неудовлетворенность наличным его состоянием и стремление к поиску и утверждению альтернативных стратегий жизни.

Претензии к «миру», его традициям, установлениям и институтам бывают различными, во главу угла критики могут ставиться разные ценности: истина, любовь, красота, справедливость, добро — все, чего обычно не хватает в «нормальной» повседневной жизни (если смотреть на нее с «утопической» [в мангеймовском значении этого слова] точки зрения). В любом случае, идеал секты имеет ярко выраженный внеобыденный характер, и ему — на деле, а не на словах — очень трудно соответствовать. К членам группы предъявляются исключительно высокие требования, они должны обладать в глазах собратьев по вере исключительным личным благочестием. Поэтому секта есть по преимуществу сообщество виртуозов.

В то же время секта — это союз (порой очень крепкий) тех, кто находится в меньшинстве. Меньшинство не просто противостоит большинству, и может быть им подавлено, даже если будет отчаянно сопротивляться. Речь здесь идет именно о группах сравнительно малой численности. Секта мала, и это крайне важная ее особенность, недостаток, но также и преимущество.

Социальным структурам подобного типа очень непросто выжить, имеется множество причин, под действием которых они могут прекратить свое существование. Если секта не погибает в агрессивной среде, не уничтожается врагами, не распадается из-за разногласий, раннего ослабления энтузиазма приверженцев, или из-за того, что просто не может решить проблемы материального жизнеобеспечения своих членов (что вполне ожидаемо с учетом внемирского характера ее идеологии), она начинает эволюционировать, жить дальше. И на этом пути ее подстерегает не меньше опасностей. Главная из них — опасность выродиться или переродиться в нечто иное, чуждое первоначальному, аутентичному замыслу ее отцов-основателей. Естественные и постепенные мутации движения могут рано или поздно произвести на свет его собственную противоположность. Обозначенные тенденции хорошо схватываются известными трагическими афоризмами: «Идущие с Иисусом не идите с иезуитами», или «христианство есть предательство Христа».

Предположим, секта выжила, не распалась, первый этап жизненного цикла пройден. Что происходит потом? Смерть, или говоря шире — «уход», создателя движения, выработка процедур определения преемника, возможная конкуренция между претендентами на занятие данной позиции, необходимость трансляции харизматического авторитета составляют только часть проблемы. В любом случае, в процессе передачи харизмы ее интенсивность и субъективно переживае-

мая «подлинность» имеют тенденцию к ослаблению. Хорош, но не настолько; тот, первый, был лучше! Поэтому способы символической «энергетической» подзарядки наследника/ов от фигуры Учителя, остающегося «вечно живым» в памяти потомков, персонажа, постепенно мифологизируемого и последовательно сакрализуемого, имеют большое значение [Папы как наследники престола Святого Петра, держателя ключей от рая, полученных непосредственно от Спасителя; Сталин — это Ленин сегодня; Николас Мадуро как единственно истинный и законный продолжатель дела Уго Чавеса, шедшего по пути великого либертадора Симона Боливара, и т. д. и т. п.].

Однако, как ни крути, для последующих поколений героическая жизнь Основателя и славные («ранние») годы движения — это уже история. История может представлять яркой в воображении (даже такой, какой не была для современников событий), но все-таки живости актуально воспринимаемого настоящего ей не хватает. Поэтому известная рутинизация восприятия целей и задач движения, его ритма существования (в сознании самих участников) кажется неизбежной. Жизнь сегодня для большинства уже не дерзновение и не ежедневный подвиг (даже если подобные слова все еще произносятся для поддержания морального духа и легитимации ценностей коллектива).

Но процесс остывания коллективных чувств и побуждений к действию зависит не только от времени и сроков давности. Здесь, судя по всему, имеют значение и «объемы» коллектива, его растущая численность. Если группа ориентирована на прозелитизм — вовлечение новых членов и расширение состава, то ее размер — при удачном стечении обстоятельств и реализации соответствующей целевой установки — увеличивается. Или, используя марксистский жаргон, можно сказать: идеи завоевывают массы. Но массовость и численность способны сыграть дурную шутку с идеями и социальными практиками, которыми вдохновляются участники движения. Принципиальным является то, на что делается ставка: на качество и чистоту рядов или количество и широту распространения. Выигрыш в одном, как правило, оборачивается проигрышем в другом. Именно в малом количестве оказывается более реалистичным поддержание высокого уровня вовлеченности в общее дело. Малые размеры коллектива — если и не прямая гарантия, то, по крайней мере, важное условие обеспечения высоких стандартов (мотивации, добродетелей, преданности, верности идеалам и т. д.). Либо *hand made* и ремесло, либо штамповка и конвейер; либо *haute couture*, либо *prêt-à-porter*. Секта (или иное относительно самостоятельное малочисленное религиозное сообщество) в некотором роде и есть не что иное как форма социальной организации духовного *haute couture*.

Когда секта начинает претендовать на безграничное расширение и не сдерживаемую высокими критериями членства вербовку душ, она перестает быть сектой. Ставшее массовым движение может быть влиятельным, но оно перестает быть совокупностью отборных единиц высшего сорта. На этом пути идеалы группы и требования, предъявляемые к ее членам, неизбежно профанируются, тривиализируются и искажаются. Для строгости, стойкости, морального ригоризма как значимых паттернов сектантского габитуса у масс не хватает ни мотивации, ни компетентности. Они не в состоянии демонстрировать ментальную, дискур-

сивную и поведенческую виртуозность. Когда движение требует от своих членов жесткой аскезы и категоричности сопротивления тем или иным жизненным обстоятельствам, массы если и не ропщут открыто, то обычно просто тихо саботируют подобные требования. Они готовы номинально солидаризоваться с патетическими лозунгами, озвучиваемыми их лидерами, но фактически всегда плывут по течению.

Относительное обмирщение секты (проявляющееся среди прочего в ослаблении межгрупповых границ и уровня внутреннего идеологического радикализма) представляется высоко вероятным. Чикагский социолог Элсуорт Фэрис, рассуждая об этапах жизненного цикла сектантских организаций, замечает: рано или поздно «приходит время, когда изоляция начинает исчезать и обычаи внешнего мира с его верованиями и практиками — и даже его идеалами и доктринами — начинают постепенно проникать в группу... История секты демонстрирует типичную прогрессию. Период крайней изоляции, конфликта и высокого морального духа сменяется более мирным периодом, когда все большее одобрение получает конформность к внешнему миру. Конечным результатом является исчезновение секты как обособленной конфликтной группы» [Фэрис, 2015: 359, 361].

Параллельно с понижением общей планки качества «личного состава» численно разросшейся группы и отчасти в связи с ним наблюдаются разнообразные процессы дифференциации — внутри самого сообщества. Структура начинает ветвиться. Таким образом, отчасти компенсируется риск вырождения корневых ценностей движения под натиском тенденций омассовления. Вырисовываются перспективы «широкого» и «узкого» путей спасения, оформляется разделение на профанов-мирян и виртуозов, ведущих монашеский образ жизни, т. е. своего рода периферию и ядро коллектива. К первым групповая идеология будет относиться снисходительно, рассматривая их как не до конца полноценных членов, вторых, напротив, — наделять высоким символическим статусом и престижем, которые, однако, требуется постоянно подтверждать подвигами веры и благочестия, доказывая тем самым свою духовную квалификацию. Причем подобные разделения будут наблюдаться даже вопреки доктринальному «универсализму» учения, т. е. несмотря на то что его приверженцы формально признаются равными в своих правах и обязанностях.

Но видоизменения больших коллективов, выступающие проявлениями углубляющейся дифференциации, этим не ограничиваются. Структура не просто «растекается», т. е. разрастается не только вширь. Выражаясь в духе П. Сорокина, рассуждавшего о природе механизмов социальной стратификации, можно констатировать: координация деятельности в сложно организованных целевых группах осуществляется через субординацию, т. е. через закономерное выстраивание вертикального профиля сообщества. Коллектив вытягивается в пирамиду, возникает и закрепляется иерархия, группа принимает вид упорядоченной системы властных отношений [господства/подчинения], появляются «должности», статусные позиции, выполняющие специфически организационные функции, из первоначально лабильной социальной массы вырастают этажи и аппарат управления.

Харизматический авторитет в численно малом коллективе мог утверждать свою власть непосредственно, используя силу личного примера и собственный психологический «магнетизм». Власть в сложных, организованных системах управле-

ния носит более анонимный, деперсонализированный характер, даже несмотря на то что обычно находится в чьих-то конкретных руках. Чиновник апеллирует к необходимости подчинения должности, процедуре, утвердившемуся набору правил. Власть харизматика как бы «исходит» от него самого как от личности, покоря сердца и умы окружающих; в то время как власть «начальника» скорее «снисходит» на его должностную позицию (в соответствии со специфической моделью оформившейся в том или ином обществе системы властных отношений), и уже оттуда распространяется в разные стороны. Вождь харизматического типа правит от собственного Имени (или от Имени «пославшего его»); «начальник», «должностное лицо» правит от имени системы. Злоупотребление властью возможно в обоих случаях, но в первом оно предстает как опасное следствие «диктатуры» яркой личности, а во втором — как возможность неблагоприятного использования должностных полномочий.

Когда институционализирующееся сообщество обрастает громоздким аппаратом управления и начинает функционировать в машинной логике, от энтузиазма героических «ранних эпох» остается немного. И не столь важно, являются ли управленцы циничными манипуляторами масс и коррупционерами, или же искренними, честно радеющими за общее благо руководителями, их корпоративный интерес, риторика и групповая идентификация закономерно смещаются (в обоих случаях) в сторону легитимации порядка и стабильности, хранителями которых они себя ощущают. Они стоят на страже построенного здания, даже если здание стало напоминать тюрьму, — оставаясь служителями дома бога, покинутого Святым Духом.

Совершенно объяснимо поэтому (о чем упоминает среди прочего Вебер), что представители церкви, превратившейся в могущественный институт, как своего рода «бюрократы от религии» обычно с известным подозрением (а также отчасти — с завистью/презрением/рессентиментом) относились к разного рода виртуозам⁴, мистикам и интеллектуалам в структурах подведомственных им конфессиональных сообществ. Они видели в этих «ненадежных» людях источник потенциального «раскачивания лодки», генерирования всевозможных ересей, альтернативных путей спасения, и в целом — «несистемных» и трудно регулируемых духовных устремлений⁵.

Естественно, церковная иерархия уделяла особое внимание обрядоверию и ритуальному аспекту богопочитания, что позволяло ей поддерживать и контролировать стандартизированные проявления массовой религиозности (поскольку

⁴ В фильме П. Лунгина «Остров» удачно выписаны и противопоставлены образы двух типов «религиозного человека» — экзальтированного виртуоза-харизматика (отец Анатолий/герой П. Мамонова) и институционально-церковного конформиста (отец Филарет/герой В. Сухорукова).

⁵ Предстоятели церкви в ряде случаев могли мириться с виртуозами, используя их отчасти в целях идеологической рекламы церковного института в целом, для укрепления его общей моральной репутации и имиджа. Вероятно, руководствуясь именно подобными соображениями, Иннокентий III признал подлинность боговдохновенного дара Франциска Ассизского, позволив последнему проповедовать и собирать последователей. В результате группа виртуозов, стремившихся буквально жить по Евангелию, не отпала от лона матери-Церкви, хотя и до, и после было множество случаев, когда мастеров религиозной аскезы предавали анафеме и объявляли еретиками. Например, вальденсам, равовавшим за возрождение евангельского духа, и во многом похожим по характеру проповеди на францисканцев, повезло гораздо меньше. Реальный авторитет нищенствующих орденов работал на формально-институционализованный авторитет Святого Престола. В сходном ключе и официальная православная церковь в России могла «гордиться» своими блаженными, праведниками и народными святыми, например, в XIX-нач. XX вв. — Оптинскими старцами, хотя отношение к сектантам («духовным христианам» — духоборам, молоканам и пр.) у нее было принципиально иным.

именно организацию душеспасительных практик широких масс церковь считала своей первостепенной задачей).

В развитых «массовидных» церковных формах процесс богочитания предельно регламентируется и рутинизируется, превращается в набор технически детализированных и осуществляемых сугубо в рамках «учреждения» процедур, реализуемых при обязательном участии и под контролем профессиональных служителей культа (квалификация и компетентность которых подтверждается не «по существу», произвольно или «по ходу дела», а опять же благодаря санкции «учреждения» [ср.: ассистенты не имеют формального права принимать экзамены или читать лекции (а исключения, если и допускаются, то опять же должны быть специально институционально санкционированы)]; кандидаты наук не могут являться оппонентами докторских диссертаций и т. д.; дьяконы при организации богослужения не имеют права делать то, что делают приходские священники, а те в свою очередь не наделены полномочиями епископов, архимандритов, аббатов...)]⁶.

Если идеал движения неотмирный, то утвердить его на земле (особенно на уровне общественного макрокосмоса, больших социальных структур) оказывается проблематично. Поэтому неизбежны сделки (с совестью) и компромиссы с исторически сложившимися институциональными комплексами — государством и правом, хозяйством, семьей, и т. п. Из евангельских текстов можно вычитать либо неприятие, либо индифферентность по отношению к мирским институтам. Евангельское христианство аполитично, нехозяйственно, нефамилистично. Но постепенно картина меняется.

Как бы ни истолковывать доктринально трудный [и по-своему дискуссионный?] фрагмент из послания апостола Павла к Римлянам — «нет власти не от Бога», и поэтому ее носителям следует повиноваться [Рим. 13], — ясно, по крайней мере, что в узком и точном смысле по евангельским понятиям государство есть лишь царство кесаря. И даже если кесарь впоследствии, в постконстантиновы времена становится членом христианской общины, или даже ее предводителем, заступником веры, помазанником Божиим и т. д., это дела принципиально не меняет. Власть кесаря держится на насилии и является источником многих несправедливостей, эта власть мирская и человеческая, а на мире лежит печать греха, и почести, воздаваемые Небесному Владыке, кесарю не положены. Можно терпеть мирскую власть и даже признавать ее существование целесообразным, быть законопослушным, платить налоги, и т. п., но ее нельзя любить и обожествлять, потому что предмет устремлений подлинного христианина — Град Божий: Царствие мое не от мира сего. Осуждение политики мирских властителей (не только языческих) в христианской культурной, литературной

⁶ При обсуждении в студенческой аудитории нюансов и масштабов применимости идеально-типологической оппозиции «церковь/секта» неожиданно встал вопрос: а почему мы не можем продолжить занятие на свежем воздухе? (погода была располагающая). На это я как преподаватель, выполняющий свои служебные обязанности (а не как Гуру), вынужден был ответить, используя аргументы темы: если бы мы с вами были «сектой», мы были бы вольны предаваться ученым размышлениям где угодно и когда угодно, если бы только сочли возможным, но поскольку мы здесь, в университете, являемся «церковью», мы обязаны крестить по пятницам и понедельникам, венчать по четвергам, а причащать и исповедовать по вторникам и средам (проводить занятия по расписанию и утвержденному тематическому плану (а не «как попало» и «как заблагорассудится»), устраивать промежуточные аттестации и коллоквиумы в середине семестра, а сдавать экзамены — в конце, и т. п.). [Разумеется, это сравнение было условным и не требовало приведения деталей сказанного в соответствие с фактическими тонкостями богослужебных или образовательных практик в высокоинституционализированных учреждениях].

и исторической традиции повсеместны. Взять хотя бы Августиновы сравнения государства с разбойничьей шайкой, etc.

Но на такой идеологии в повседневной жизни, тем более в жизни гражданской и публичной, далеко не уедешь. И это прямая дорога на кроважадные римские арены или в глухие таежные дали, даже если такой выход представляется вполне последовательным для героической установки «истинно верующего». Но героев во все эпохи было мало. Поэтому приходится государство принимать, закрывая глаза на его многочисленные изъяны и пороки, творимые правителями и их слугами злодейства и бесчинства. В итоге мы имеем союз или даже иногда сращение трона и алтаря, всевозможные цезаропапизмы/папоцезаризмы западного или восточного образца (либо иерархии церкви (например, римские понтифики), не ограничиваясь духовными увещаниями земных владык, начинают претендовать на светскую власть, либо вторые (византийский базилевс или русский царь) притязают на власть духовную, либо власть духовная и светская объединяются в одном субъекте (как в случае правления князей-епископов).

Сходные процессы примирения и сближения с земными порядками наблюдаются и в иных сферах. Евангельский идеал святой бедности (будьте как птицы небесные; достаточно каждому дню своей заботы; удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие, и т. п.) в обыденной жизни работает плохо, а церковь вместе с монастырями, проповедующими аскезу и отречение от мирских благ, становится богатейшим в экономическом отношении институтом. Но ведь надо как-то воспитывать детей, добывать средства пропитания, накапливать и передавать имущество, хотя бы для того, чтобы сегодня (и желательно завтра) не пришлось ходить с протянутой рукой!

Евангелие ставит духовное родство выше родства кровного, племенного, этнического, гражданства и подданства (и враги человеку — домашние его; притча о добром самаритянине, не различавшем при совершении благих дел «своих» и «чужих»; нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни раба, ни свободного...; и т. п.). Новой семьей становится для адепта учения община, Небесная вселенская церковь как братство во Христе без границ, языков, сословий и иных социальных различий. Оправдывается уход из семьи, если целью его является поиск и обретение правды мира нездешнего. Исторические же церкви превозносят семейные ценности, освящают брак, патриархат, процесс деторождения, объявляют праведными войны между различными национально-политическими образованиями и т. д.

Описанный выше весьма пунктирно и вместе с тем предельно схематично процесс превращения «секты» в «церковь», раскрывающий логику институционализации [/жизненного цикла] религиозно-конфессиональной организации, представляет собой *только пример*, поскольку подобная динамика может наблюдаться и в иных сферах совместной деятельности людей, в частности, в политических объединениях.

Как остывают вулканы?

Еще раз бросим панорамный взгляд на зафиксированные метаморфозы социальной жизни.

Серж Московичи в своей замечательной книге «Машина, творящая богов» (а общество, в сущности, и есть такая машина!) дает, среди прочего, обстоятельный

комментарий к веберовской концепции харизмы. Он сравнивает это относительно редкое в человеческой истории явление с *big bang* — космическим «большим взрывом». Творческая мощь харизмы, разрушая старые формы (*vers. Зиммель*), производит на свет новую социальную вселенную:

«Харизма подобна своего рода высокой энергии, *materia prima*, которая высвобождается в кризисные и напряженные моменты... Сообщество... ломает оковы традиции, стряхивает собственную инерцию и медлительность... Затем следует вторая фаза, фаза рационализации и приспособления к потребностям действительности. Первоначальный энтузиазм и порывы утрачивают пыл и направляют свой ход в соответствии с политическими и экономическими требованиями. Это соответствует установлению новой основы, „железной клетки“, добровольным узником которой становится сообщество» [Московичи, 1998: 190, 186—187].

Харизма рождает революционное общество, которое потом неизбежно видоизменяется — рационализируется и/или традиционализируется (а обычно происходит и то, и другое). То есть перед взором наблюдателя разворачивается закономерный цикл остывания харизмы, перерождения «революционного» общества в «нормальное».

Вебер называет харизму «„первичным типичным феноменом религиозной (или политической) власти“ и добавляет: „Но она уступает повседневным силам с того момента, когда господство обеспечено и особенно когда оно охватывает массы“... Будучи властью экстраординарной, но случайной, чуждой традициям и разуму, харизма возникает во время чрезвычайной, в сущности переходной ситуации...

С другой стороны, индивиды стремятся вернуться к простой частной жизни подобно солдатам, которые после великих битв хотят возвратиться на родину и основать семейный очаг. Возможно, это чисто хозяйственная проблема. Но так или иначе приходится заниматься текущими делами и своей профессией, растить детей, обрабатывать поля и обеспечивать работу заводов. Пока речь идет о переломе в порядке вещей, о вознесении на небесную высоту над грешной землей, все забывают об этих повседневных делах. Однако, когда кульминационный момент позади, вновь звучит голос интересов и потребностей и звучит с тем большей силой, чем дольше он молчал... Происходит подготовка ... к рутинизации харизмы. Что это значит? Власть, которая до того была принципом жесткого действия и мятежа против установлений общества, примиряется с ним и трансформируется в принцип порядка. Ее пророки уступают место жрецам. Художников истории сменяют теологи и эксперты. Все необычное с неизбежностью становится рядовым. Со снижением эмоциональной температуры харизма охлаждается; спутники, товарищи и братья превращаются в подданных, членов церкви или партии, солдат, принуждаемых к службе, законопослушных граждан. Темп не имеет значения, важно, что происходит переход от аномального *in statu nascendi* общества к обществу нормальному, водворенному в свои границы» [там же: 304—305].

In statu nascendi — в данном случае ключевая характеристика социальных отношений, произведенных на свет жизненным творческим порывом, исходящим от человека или от группы (обычно небольшой по численности). В некотором роде можно сказать, что это особое агрегатное состояние материи социальной жизни, создающей новые формы: *становление, не ставшее*; пока не остыло/застыло,

а остывает/застывает быстро. Рано или поздно кристаллизующиеся институциональные и культурные формы начинают утверждать свой самодовлеющий статус, сковывая потенциально подвижную материю обобществления (выражаясь зиммелевским языком) и указывая ей приоритетные пути движения.

Герберт Блумер, не ограничиваясь разговорами о феноменах религиозной или духовной жизни в узком смысле, указывает на сходную эволюцию общественных движений. Здесь основным трендом является опять же пресловутая *институционализация*:

«Социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, нацеленные на установление нового строя жизни. Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой — из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования» [Блумер, 1994: 195]. На ранних этапах развития движения, нередко сопровождающихся ломкой рутинных структур повседневности, лидер «выступает в качестве пророка или реформатора. На стадии формализации движение становится более четко организованным различными правилами, политикой, тактикой и дисциплиной. Здесь лидер приобретает, очевидно, черты государственного деятеля. На институциональной стадии наблюдается кристаллизация движения в фиксированную организацию с определенным составом и структурой, предназначенную для осуществления целей этого движения. Здесь лидер становится, очевидно, администратором...» [там же: 198—199].

Нередко активными участниками фазы институционализации становятся уже следующие поколения лидеров, те, кто приходит на смену романтикам, революционерам и ниспровергателям устоев, рекрутируемые из людей более «системно ориентированных», прагматичных, хозяйственных, расчетливых, твердо стоящих на земле. Вернее, происходит естественная селекция таких лидерских качеств, поскольку именно на эти качества возникает спрос в изменившихся структурных условиях.

Формула олигархии

Область политических отношений предоставляет особый набор случаев, которые целесообразно рассматривать отдельно. Максимально полемически резкий, предельно заостренный образец теоретической аргументации, относящейся к указанной сфере, можно найти у Роберта Михельса.

В классической работе «Социология политической партии в условиях демократии» Михельс предпринял попытку исследования олигархических тенденций в общественной жизни на примере анализа структурной трансформации объединений рабочего класса — социалистических партий и профсоюзов [Michels, 1989]. Согласно Михельсу, прямая демократия является неосуществимым идеалом, а представительная, связанная с делегированием полномочий, неизбежно ведет к отчуждению коллективной воли группы в пользу некоторых ее членов, а в дальнейшем — фактической узурпации ими власти. Так называемый «железный закон олигархии», выводимый немецким социологом, может быть сформулирован следующим образом: сам принцип организации больших целевых групп делает необходимым выстраивание пирамидальных структур социальной

иерархии. К числу фундаментальных причин социального неравенства относятся: неспособность крупных сложноорганизованных коллективов к самоуправлению, целесообразность разделения труда, предполагающего выделение функций руководства, требования внутренней координации деятельности группы, согласующиеся с ее «внешними» задачами («технические» причины), а также естественные различия психологических и интеллектуальных качеств доминирующего, активного, рационально мыслящего меньшинства, элиты, и образующих большинство, ведомых, пассивных масс.

Об универсальности закономерностей олигархизации, по мнению Михельса, наиболее ярко свидетельствует опыт перерождения общественно-политических движений, декларирующих свою приверженность эгалитарным ценностям. На определенном этапе собственного жизненного цикла они обнаруживают тяготение к бюрократизации, централизму и авторитаризму, а их идеологические ориентации нередко смещаются в сторону оппортунизма и политики компромиссов. Общий уровень радикализма и непримиримости партии по отношению к существующим социальным порядкам снижается. Бывшие революционеры становятся «умеренными» или «консерваторами», пополняя состав старой элиты. Энтузиасты и идеалисты утрачивают лидирующие позиции в организации, а их место занимают функционеры и карьеристы, склонные к использованию властных ресурсов в личных целях. Обращаясь в свою противоположность, движение создает благоприятную среду для новых форм протеста и борьбы за демократию, столь же безуспешных в исторической перспективе, как и все предшествующие. В духе теорий исторического круговорота Михельс описывает волнообразный механизм социальных изменений как нескончаемый процесс «циркуляции элит» при сохранении инвариантных основ общественного неравенства.

В любой организованной социально-групповой структуре большой численности и, длительно существующей, возникают предпосылки для олигархизации, формирования статусных иерархий, специализации, дифференциации, субординации, выстраивания вертикальных управленческих механизмов. Выделение специализированных управленческих звеньев (субъекта управления) становится предпосылкой для отрыва их интересов от изначально декларируемых целей группы, питательной средой для злоупотреблений — властью, полномочиями и т. д. Если подобные тенденции наблюдаются даже в организациях с выраженной «демократической идеологией» (социалистических партиях, рабочих профсоюзах и т. д.), то что уж говорить о других?

Факторов олигархизации существует множество: затруднительность организации эффективного самоуправления в больших социальных структурах; необходимость создания институтов представительства, профессиональной подготовки руководителей, появления «освобожденного и оплачиваемого» персонала управленцев, сложного и разветвленного бюрократического аппарата (любая организация, по Михельсу, уже несет в зародыше идею олигархии); некомпетентность масс, их интеллектуальная незрелость и эмоциональная зависимость от вождей (массы склонны создавать себе «земных богов», падать ниц перед собственным порождением); неизбежные трансформации в психологии вождей, приводящие к отрыву от среды, которая делегировала им власть («если выбрали, значит, про-

пал!», социальное и культурное перерождение верхушки демократических партий, изменение группового габитуса ее представителей (они становятся более похожи на своих «врагов», чем на бывших «товарищей» — по стилю жизни, вкусам, предпочтениям, привычкам, особенностям речи) и др.

«Борьба за светлые ценности и идеалы» в большой (многочисленной) политической организации обречена на провал. Она не по силам ни массам, ни вождям. На этом пути само движение неизбежно вырождается: харизматики, романтики, идеалисты, альтруисты, аскеты, святые, энтузиасты, пламенные революционеры, непримиримые борцы уступают место (по крайней мере, де-факто, если не на уровне деклараций, которые могут сохраняться и выполнять ритуальную функцию) циникам, прагматикам, эгоистам, приспособленцам, карьеристам, бюрократам, конъюнктурщикам, консерваторам, реакционерам и т. д.

Эти изменения могут происходить как в одном, так и в нескольких, следующих друг за другом поколениях руководителей. Внутри конкретного поколения может происходить такая деградация с одними и теми же людьми: в молодости одни, потом меняются до неузнаваемости. Если движение побеждает в масштабах политической системы, оно лишь сменяет одну форму неравенства на другую. Отчетливо звучат паретианские мотивы: «Могут победить социалисты, но не социализм». Все эти метаморфозы как бы сами собой происходят, в результате — попытки радикального эгалитарного переустройства общества натываются на одни и те же «грабли». Бывшие борцы за свободу превращаются в ее новых душителей.

Суровая логика Михельса-социолога рубит под корень младую поросль взглядов Михельса-социалиста. В итоге разочарование в идеалах юности приведет его в противоположный лагерь⁷. Однако, в середине своего идейного пути теоретик, адресуя читателя к «Фаусту», напоминает: И. В. Гете вкладывает «в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению» [Михельс, 1997: 195].

История XX столетия многократно эмпирически продемонстрировала описываемые сценарии политических и организационных трансформаций. Олигархизационные, авторитарные и консервативные тенденции, с одной стороны, и вынужденная постепенная дерадикализация, поиск компромиссов с «несовершенной» реальностью и приспособление к рутинам повседневности — с другой, наблюдались в коллективном опыте партийного строительства как оппозиционных партий, научившихся играть по правилам буржуазно-парламентарных, плюралистических режимов, так и более амбициозных (совершивших-таки революционные преобразования и принципиально изменивших политические системы некоторых обществ).

Поэтому социология революции, оформившаяся как направление исследований в 1920-е годы и имевшая, в частности, в своем распоряжении сведения об эволюции постреволюционного развития Советской России, вынуждена была признать неизбежность т. н. «возвращения к нормальности» [Сорокин, 2005; Edwards, 1970]. Организованная иерархическая структура властных отношений в постреволюционных обществах так или иначе восстанавливается, хотя, разумеется, и в видоизмененных формах — причем совершенно независимо от того,

⁷ И не его одного: случай Б. Муссолини во многом сходный.

что думают по этому поводу сами революционеры, и стремятся ли они к таким изменениям сознательно. Последовательная радикально-анархистская и эмансипационная установка, вмонтированная в ткань левого мировоззрения, должна была в очередной раз столкнуться с упрямой реальностью социального факта, в т. ч. факта неискоренимости исторически преходящих, но все время возрождающихся форм господства человека над человеком.

Таким образом, «реальные» социалисты (как «перекрасившиеся» и «продавшие душу капиталистическому дьяволу», заседающие в буржуазных парламентах, участвующие в выборах, формирующие фракции и альянсы, занимающие министерские кресла, так и одержавшие верх над своими противниками в результате применения революционного насилия и утвердившие новые политические порядки) в равной мере становились «предателями» идей социализма, как и представители многочисленных конфессий исторического христианства — предателями дела Иисуса из Назарета.

Грядущее рабство, или рабство наступившее?

Процессы, разворачивающиеся в конкретных политических организациях, могут наблюдаться и на уровне политического союза в целом, причем в еще больших масштабах. Способность или, так сказать, дурная склонность государства и автономизирующихся управленческих структур садиться на шею людям, повсеместно ограничивать их свободу досаждала не только социалистам/анархистам, но и либералам. Герберт Спенсер, глядя из своего XIX века, смог с удивительной проницательностью предсказать потенциальные опасности практики государственного социализма — порядка, который он квалифицировал как «грядущее рабство». Однако, по существу, объектом критики великого британского энциклопедиста викторианской эпохи становится не только воображаемый казарменный коммунизм будущего, управляемый гигантской бюрократической машиной (хотя догадки и предостережения Спенсера относительно перспектив становления подобных обществ оказались весьма точны). Речь идет и об оценке структурных изъянов этатистской политики в широком смысле. Всякое государство по своей сути есть источник угрозы для стремящейся к самоопределению личности (хотя это и не значит, что без государства можно обойтись). О характере рассуждений мыслителя дает представление следующий отрывок — комбинированный фрагмент из сборника с красноречивым названием «Man versus the State»:

«Сравнительно небольшая группа тесно сплоченных между собою чиновников, связанных одинаковыми интересами и действующих под руководством центральной власти, имеет огромное преимущество перед разрозненной массой публики, у которой нет определенной политики и которая может действовать единодушно лишь в редких, исключительных случаях <...> Когда организация из чиновников достигла известной степени развития, то борьба с нею становится все более и более невозможной, как мы и видим это <...> в государствах, где сильно развита бюрократия... Возрастающее могущество развивающейся административной организации сопровождается потерей в остальном обществе силы, необходимой для того, чтоб противодействовать дальнейшему росту этой организации и усилению ее влияния...

Ни одна форма кооперации в большом или малом размере не может обойтись без контроля свыше и всегда требует подчинения распоряжающимся властям. Любая из существующих ныне организаций для проведения социальных реформ может служить этому доказательством. И они уже вынуждены иметь свои советы, своих облеченных властью вожаков, которым другие должны повиноваться под страхом неотвратимой в противном случае неурядицы и неудачи. Собственный опыт тех самых людей, которые громче всех ораторствуют за новый социальный порядок под отеческим контролем правительства, свидетельствует, что даже в частных, добровольно сформированных обществах власть распорядителей становится скоро если и несовершенно неодолима, то все же весьма велика; настолько велика в самом деле, что очень часто возбуждает строптивость и ропот между прочими членами общества. Профсоюзы... ведущие своего рода промышленную войну за интересы рабочих против интересов их нанимателей, убеждают нас, что для успеха им безусловно необходима строгая дисциплина — почти военная по своей суровости, и что всякое разногласие между руководителями губит дело. Даже в кооперативных товариществах, составляющихся, собственно, только для ведения тех или других промышленных или торговых предприятий, а потому не требующих такой покорности вожакам, какая необходима там, где дело идет о нападении или защите, должностная администрация, на наших глазах, приобретает все-таки такую власть, что иногда слышатся уже жалобы „на тиранство распорядителей“. <...>

Чего следует ожидать там, где вместо сравнительно совсем ничтожных ассоциаций местных и добровольных, к которым можно принадлежать или нет, как угодно, — вырастает ассоциация национальная и всеобъемлющая, в состав которой все граждане волей-неволей должны будут войти [?] <...> Чем при таких условиях должна сделаться власть иерархически организованной и централизованной администрации, вооруженной всеми ресурсами ... государства и опирающейся на силу любого размера, какая только может потребоваться для приведения в действие ее декретов и для охранения того, что она называет порядком [?]» [Спенсер, 2007: 52, 61, 74—75].

Спрашивается, — развивает свою мысль Спенсер, — что будут делать бюрократы-распорядители, которым государство доверило организацию некоего важного общественного дела? Ответ ясен: они будут этой властью злоупотреблять (если и не в личных интересах, то в интересах поддержания господства и статуса своей прослойки), а к тому же будут требовать беспрекословного подчинения низших чинов высшим, как в армии. Отношения будут формироваться приказные, а структура — строго иерархическая. И вся эта власть аппарата может обернуться и персональным деспотизмом стоящего в его главе (как известно, потенциальные узурпаторы могут приходить к власти различными путями, в т. ч. путем народного избрания). Хотя тирания аппарата сама по себе ничуть не лучше тирании конкретного индивида. А происходящие время от времени выборы или иные формы ротации и обновления руководящего состава в системе управления, если таковые имеют место, вовсе не обязательно меняют характер осуществляемой власти.

«...Администрация в самом скором времени неизбежно делается совсем не такой, как того желают, а потому рабство будет далеко не мягким... Думают,

что чиновник будет действовать именно так, как от него ожидают, чтобы он действовал, а этого в действительности никогда не бывает... Конечным результатом будет возрождение деспотизма. Дисциплинированная армия гражданских чиновников, подобно тому как и армия, состоящая из военных, даст своему главе верховную власть, такую власть, которая часто поведет к узурпации... <...> Как легко глава конституционного государства, избранный и облеченный доверием от всего народа, может, при помощи небольшого числа бессовестных заговорщиков, парализовать значение представительного собрания и сделаться самодержавным <...> Вожди желаемой идеальной общины не будут особенно затрудняться какими-нибудь интересами справедливости и не остановятся в преследовании той политики, какую они сочтут за нужную, — политики, которая, разумеется, будет всегда тождественна с интересами их верховенства» [Спенсер, 2007: 78—79, 80].

Спенсер, предчувствовавший наступление эпохи заката классического капитализма, зрит в корень: бюрократизация становится одним из главных похитителей индивидуальной свободы в современных организационных контекстах. И с этим, кажется, мало что можно поделать. В XX веке возрастает роль «больших структур». Наступает эра Организации (государственный социализм; государственно-монополистический [организованный] капитализм; корпоративное общество — названия и эмпирические вариации могут быть различными, но сходства несомненны).

В домодерновых обществах человек зависел от другого (конкретного) человека и от традиции, был привязан к «узкому кругу» и локальному сообществу. Постепенно цепь удлиняется, но отнюдь не исчезает, а ошейник (в субъективном восприятии актора) трет шею ничуть не меньше. Модерн превращает зависимость личную [внеэкономическое принуждение] в зависимость вещную и денежную, делая социальные отношения более абстрактными [Маркс, 1968]. Высокий модерн на место барина и хозяина ставит начальника. Поэтому современный работник зависит уже не столько от персонифицированной иерархии, сколько от иерархии служебной, должностной. Формально он больше не слуга и не раб своего господина (к тому же руководители и боссы могут меняться), но при этом остается фактически анонимным рабом или слугой учреждения, аппарата, организационной структуры, системы [Кракауэр, 2015; Уайт, 2002, 2003, 2005; Whyte, 2002; Mills, 2002].

Если ты инкорпорирован в структурный мир современного организационного космоса, никакой «добрый хозяин» не в состоянии отпустить тебя на волю, — это выше его сил, да к тому же никакого живого хозяина больше нет: одни винты и шестеренки, кнопки, файлы и коды, табели, формуляры и циркуляры. Индивид — не важно в качестве ли специалиста, ответственного исполнителя, начальника или подчиненного и т. п. — редуцирован к набору релевантных для его ролевой позиции операций и задач.

Капитализм теряет предпринимателя

Здесь можно сделать условный шаг в сторону и обратиться к сфере, до сих пор не находившейся в фокусе нашего интереса, а именно — к экономике. Максимально подходящий для нас теоретик — Йозеф Шумпетер. Он (в отличие от Спенсера) не проливает слезы по уходящей эпохе *laissez-faire*, а встречает

век доминирования экономических гигантов спокойно, признавая при этом, что классический капитализм совершенной конкуренции и свободного предпринимательства больше не существует (и, возможно, даже никогда не существовал, ведь в точном смысле он представляет собой лишь идеально-типическую модель). Шумпетер высказывается неутешительно (хотя и совсем не в духе Маркса) о перспективах дальнейшего развития капитализма, считая, что капитализм внутренне предрасположен к саморазрушению. Но что бы там ни пришло ему на смену, новая социально-экономическая система в любом случае будет основана на господстве бюрократии.

Хорошо известна шумпетеровская концепция предпринимателя и «созидательного разрушения». Капитализм держится на предпринимателе. Предприниматель — это инноватор в экономической жизни. Он не обязательно собственник (хотя часто им бывает), не менеджер-служащий, не изобретатель (не изобретает сам, а лишь применяет новые идеи в практической области). Эти инновации (внедрение новых технологий, открытие новых рынков, производство новых товаров, усовершенствование способов организации производства, торговли, сбыта, доставки, эксплуатации мощностей, использования ресурсов, сырья, для снижения издержек, привлечения спроса и т. д.) все время оказывают революционизирующее воздействие на систему хозяйства. Старое ломается, возникает новое, распространяются новые хозяйственные формы, появляются новые товары. Все это делается во многом ради прибыли, которая в начале может быть очень высокой; но потом рынок наполняется, в него входят подражатели, происходит стабилизация. Приходится придумывать что-то новое. И так циклически — созидательное разрушение толкает вперед капиталистическую экономику [Шумпетер, 1995; Зотов, 2010: 278—286].

То есть предприниматель — это такой творческий практический дерутинизатор экономики, склонный к риску, стремящийся к успеху, любящий новое, если угодно, «харизматик» в такой «нехаризматической» области как экономика. Так вот, по мнению Шумпетера, указанный тип хозяйствующего субъекта постепенно исчезает в условиях организованного капитализма, господства концернов. Напомним, Шумпетер не апологет уходящего мира классического капитализма, порождающего малые и средние организационные формы предприятий, и сопутствующих ценностных паттернов (свободы, ответственности, активности, инициативы и т. д.). Он также не критик монополий, не критик бюрократии (неважно капиталистической или социалистической). Используя сложную экономическую аргументацию, Шумпетер показывает, что крупный бизнес не так уж плох, не так неэффективен, как некоторые думают. Но процессы упадка и/или перерождения капитализма, тем не менее, объективны, и имеют определенные причины, связанные с мотивационными и организационными изменениями, наблюдаемыми в крупных корпорациях.

Шумпетер говорит об ослаблении или отмирании предпринимательской функции в условиях экономических реалий XX века. На смену «самозанятому бизнесмену-частнику» приходит менеджер, специалист, администратор, функционер (и не один, а множество). Это «человек организации», наемный, то есть работающий по контракту, менее склонный к инновациям и риску, структурно не самодостаточный и не самостоятельный, встроенный в сложную иерархию

служебных отношений и ограниченный ею. Сами же инновации на современном предприятии или фирме становятся продуктом коллективной сложно координированной деятельности специальных служб и отделов (разработчиков, инженеров и т. д.). То есть крупная компания рутинизирует процесс создания и продвижения нового, не отказываясь от него.

Если предпринимательство есть условное (так сказать, ослабленное) подобие харизмы в экономике, то с коммерческой инициативой происходит приблизительно то же, что и с другими инициативами: поиском истины, красоты, справедливости, стремлением к спасению (индивидуальной души, группы избранников божиих или всего рода человеческого). А именно? Здесь также действует логика рутинизации харизмы и институционализации социальных отношений, со всеми плюсами и минусами, приобретениями и потерями, которые несут указанные процессы.

Причем само наличие потерь Шумпетер не отрицает, но и принципиально не заостряет. Прогресс, по его мнению, можно механизировать, по крайней мере — в области хозяйственного развития. Широта используемых сравнений и проводимых параллелей лишний раз подтверждает, что речь идет о процессах, подобных тем, которые можно наблюдать в других сферах человеческого опыта:

«...Экономический прогресс имеет тенденцию становиться деперсонифицированным и автоматизированным. На смену личности приходят бюро и комиссии. Здесь ... будет уместно сослаться на примеры из военной истории.

В прежние времена, вплоть до наполеоновских войн включительно, быть генералом означало быть полководцем, а военный успех означал личный успех командующего, который получал соответствующие «дивиденды» в виде высокого социального престижа. При существовавшей тогда технике ведения войны и структуре армий индивидуальные решения и авторитет командующего — даже его личное присутствие верхом на красивом коне — были важными элементами стратегических и тактических ситуаций. Присутствие Наполеона на полях сражений должно было ощущаться и действительно ощущалось. Нынче же все изменилось. Рационализация и специализация кабинетной работы постепенно вытесняют личность, строгий расчет вытесняет «озарение». Полководец уже не имеет возможности лезть в гущу сражения. Он все более превращается в обыкновенного служащего — и перестает быть незаменимым.

Или возьмем другой пример из военной истории. В средние века войны были делом глубоко личным. Искусство закованных в латы рыцарей требовало постоянных упражнений в течение всей жизни, каждый рыцарь был на особом счету и ценился в зависимости от личного искусства и доблести. Нетрудно понять, почему этот род занятий послужил основой для возникновения нового социального класса в самом полном и широком смысле этого слова. Однако социальные перемены и технический прогресс подрывали и со временем разрушили как функцию, так и положение этого класса. Но войны от этого не прекратились. Просто они становились все более механизированными — со временем их механизированность достигла такого уровня, что успех на военном поприще, которое сегодня превратилось в заурядную профессию, уже не несет на себе той печати личной заслуги, которая не только самому человеку, но и социальной группе, к которой он принадлежит, обеспечивала прочное положение социального лидерства.

В наши дни аналогичный ... социальный процесс подрывает роль, а вместе с нею и социальное положение капиталистического предпринимателя. Его роль, хотя она и не может сравниться славой с ролью больших и малых средневековых военачальников, также есть или была одной из форм индивидуального лидерства, основанной на авторитете личности и личной ответственности за успех. Его положение, как и положение класса военачальников, ставится под угрозу, как только эта функция начинает утрачивать свое значение в социальном процессе, причем не важно, чем это вызвано — отмиранием социальных потребностей, которые эта функция обслуживала, или тем, что эти потребности стали обслуживаться иными, более обезличенными методами» [Шумпетер, 1995].

Когда предприниматель как вольный игрок на экономической арене уже не является ключевой фигурой, когда за дело берутся специально выученные профессионалы, эксперты по бизнес-администрированию, организационному и кадровому развитию, стратегическому планированию, финансовые аналитики и т. п., капитализм неизбежно преобразуется. В итоге, «совершенно обюрократившиеся индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и „экспроприируют“ их владельцев, но в конечном итоге вытесняют также и предпринимателя и экспроприируют буржуазию как класс, который в этом процессе рискует потерять не только свой доход, но, что гораздо более важно, и свою функцию» [там же].

Бюрократизация: рациональность выворачивается наизнанку

В XX—XXI веках миллиарды людей жили и продолжают жить в обществах, состоящих из сложных, и более того — прямо на глазах (т. е. стремительно) усложняющихся социальных структур. Сложных и крупных. Невозможно себе представить координированную совместную деятельность людей, совершающуюся на регулярной основе в рамках больших организационных структур, не только без вертикали власти, т. е. наличия руководства, но и без посредничества на всех уровнях иерархии многочисленных технико-организационных, регулирующих, управленческих механизмов, устанавливающих и распространяющих правила осуществления деятельности и всевозможные распоряжки, распределяющих обязательства, аккумулирующих, агрегирующих и проверяющих вводимую отчетность, осуществляющих документооборот, учет, контроль и надзор за исполнением служебных функций подразделений и конкретных сотрудников, без делопроизводящих органов, особенно если деятельность имеет финансовую составляющую, т. е. оплачивается и вообще сколько-нибудь стоит.

Совокупное множество перечисленных механизмов и органов именуется *бюрократией*. Чтобы цели достигались на коллективном уровне какие-то индивиды (точнее — инстанции) должны этот процесс организовывать. Но результатом такой организации, как мы увидим, нередко оказываются, — возможно, почти неизбежные, — смещения и искажения в самом процессе целедостижения.

Действительно, имеет смысл взглянуть на разные сферы коллективной жизни — политику, экономику, религию, образование, науку, искусство, etc., более или менее отвлекаясь от их содержательной специфики, — просто как на *организационные факты*. При этом легко проследить как укрупнение и усложнение орга-

низационных структур закономерно стимулирует развертывание ряда процессов и утверждение ряда паттернов (например, специализацию, рационализацию, усиление анонимности, процедурный формализм, и т. д.), что приводит в свою очередь к разным эффектам, отнюдь не только позитивным и функциональным.

Посмотрим, как это происходит. На сей раз возьмем себе в помощники Жака Эллюля. Французский ученый размышляет о роли бюрократии (прежде всего, применительно к политической сфере), однако, его выводы распространяемы на более широкий круг явлений. Законы жизни бюрократии — суть законы социологии организаций, и государство в некотором роде здесь предстает лишь как частный случай. Книга Эллюля «Политическая иллюзия», выдержки из которой приводятся ниже, была опубликована в 1965 г. [Эллюль, 2002].

Эллюлю как мыслителю, имевшему ярко выраженные анархистские этико-мировоззренческие симпатии, было больно признавать, но именно как социолог он делает это: «Бюрократия соответствует тому направлению, в котором движется общество в целом, и поэтому она — неизбежное явление», государство уже давно «стало разросшимся организмом, затрагивающим все, состоящим из множества центров, бюро, служб и органов» [Эллюль, 2002].

В начале XX столетия Макс Вебер предполагал, что ответственный политик, действующий в ценностно-рациональной логике, может и должен использовать бюрократию как своего рода «приводной ремень», т. е. как эффективный механизм для решения приоритетных общественных задач. Но, с другой стороны, можно повсеместно наблюдать, как «государство постепенно поглощается администрацией» [там же]. В современных государствах фактически правит бюрократия, а не политики. Политик слаб перед лицом бюрократии. Почему? Прежде всего потому, что формально подотчетная ему система управления слишком сложна, громоздка и специализирована, но — без нее он как без рук:

«Политический деятель ежедневно подписывает несколько сотен документов, буквально не имея времени их прочитать... принимает на себя ответственность за действия и решения, за которые он по существу отвечать не может, потому что ничего не знает или имеет весьма поверхностное представление об их содержании... Но чем шире разрастается бюрократический аппарат, тем меньше шансов остается у политического деятеля получить эффективное знание о нем или реальную власть над ним, чтобы действительно направлять его деятельность. Даже если он сумеет на деле произвести некоторые кадровые изменения в чиновничьем аппарате⁸, это... на деле ничего не меняет. Вес административной структуры слишком велик...

...Все диктаторы, порождая расширенный бюрократический аппарат, делают это с проклятиями: „Черт бы побрал эту бюрократию!“... Но все эти руководители мудро возвращались на путь бюрократической организации, — правда, обстоятельства вынуждали их идти на это. Государство, которое хочет делать все и все изменить, никак не обойдется без помощи огромного бюрократического аппарата. Антибюрократические литании — того же порядка, что и магические заклинания, и абсолютно не способны вызвать ни малейшего подлинного изменения бюро-

⁸ В отчаянии можно разогнать всех этих ХХХ (далее могут следовать любые нелицеприятные эпитеты), набрать новых, но они скоро станут такими же ХХХ, или, как минимум, весьма похожими на тех, чьи освободившиеся места они заняли.

кратической автономии... Подобно тому, как бароны в свое время заслужили прозвище „делатели королей“, так бюрократия „делает“ теперь политических лидеров» [там же].

Разумеется, аппарат берет в оборот, подчиняет себе не только верхи, но и массы, граждан, простых смертных. Бюрократия авторитарна и ограничивает свободу не только и не столько потому, что ею руководят злонамеренные, своекорыстные или коррумпированные политики, деспоты, тираны или диктаторы. Она не просто «нейтральное» средство решения проблем, как не являются таковыми «техника» и «технологии»⁹. Чрезвычайно важна сама механика функционирования системы:

«Всемогущество бюрократии скорее заключается в ее чрезмерной функциональной сложности, чем в намерениях и в постановлениях представителей государства или в параграфах конституции... Бюрократическая администрация не может быть иной, кроме как авторитарной, даже если она вовсе не имеет намерения быть таковой; правила должны прилагаться, административная машина — работать, непонимающий ее человек — подчиняться...

...Это всемогущество административной машины коренится в природе государства. Государство авторитарно не потому, что на него возложена обязанность принять некое важное политическое решение, и не потому, что во главе него стоит фюрер, имеющий абсолютную власть, а потому, что... каждый день принимается десять или двадцать тысяч мелких административных решений, против которых „администрируемые“ не могут выступить и от которых они не имеют никакой защиты. Более того, эти решения в большинстве своем рутинерские и касаются столь мелких вопросов, что из-за них не стоило бы даже бунтовать, — протест только бы усугубил положение гражданина и усилил администрацию» [там же].

То есть абстрактный, деперсонифицированный авторитаризм современных бюрократических машин, скорее, не умышленный и не связанный с чьей-то конкретной волей, но производный от их структурной организации. Бюрократия превращается в автономную, инерционную систему, живущую и функционирующую по своим правилам, с которой никто не может справиться, ни извне, ни изнутри. И это не проблема хорошей или плохой бюрократии, а просто проблема любой бюрократии¹⁰. Важная составляющая ее силы — анонимность и сложная, разветвленная структура.

При общении с конкретными чиновниками, особенно близком, осуществляемом на межличностном уровне, возникает парадоксальное ощущение. Эти люди (каждый в отдельности) отнюдь не выглядят как какие-то демонические личности. Они лишь «руки системы», говоря инженерным языком — «детали машины», а не ее создатели или проектировщики. Во многих случаях архитекторов системы с именами и фамилиями в принципе не существует. Бюрократический организационный агрегат по большей части состоит из обычных работников — в меру ответственных, дисциплинированных, пунктуальных, исполняющих на своих местах определенные

⁹ Поэтому апологетика [как и критика] бюрократии, с одной стороны, и технократии, с другой, обычно переходят друг в друга, идут рука об руку, имея по сути один и тот же объект, — техно-бюрократическую власть, опирающуюся на принцип инструментальной рациональности (объект, который либо критикуется критиками, либо защищается и превозносится апологетами).

¹⁰ Хотя это и не означает, что все бюрократии одинаковые, поскольку у «плохой» бюрократии все же есть еще и свои дополнительные качества (которые могут быть квалифицированы как «пороки» или «изъяны»).

должностные обязанности. Правила игры, в которую они играют сами и, повинувшись служебному долгу, навязывают другим, возникают по большей части в процессе ее разыгрывания, а не планируются заранее какими-то конкретными «душителями свободы», одержимыми манией контроля и регламентации всего и вся. То есть паттерны деятельности бюрократии имеют в значительной степени социально-структурное происхождение.

Бюрократия подходит к любому препоручаемому ей делу по преимуществу процедурно-машиннообразно¹¹. Таким образом, высокобюрократизированная организация почти неизбежно оказывается в плену аппарата, отлаженного и заточенного под решение задач алгоритмически-технологического характера. Но большинство задач, имеющих отношение к миру социальных отношений, таковыми в строгом смысле не являются, потому что ставятся и реализуются людьми как потенциальными генераторами новизны и эмерджентности (в той мере, в какой индивиды действуют и думают «по жизни» не вполне автоматически). Но бюрократия подминает под себя спонтанность и креативность человеческой агентности.

«К административной структуре приложим... один хорошо известный закон: специализация и рационализация. Специализация задач и разделение функций с целью достичь максимальной компетентности и эффективности во всех областях... Эффективность в конце концов — это основной закон механизма. Этот императив в действительности относится и к машине технического мира, и к идеологической машине. Бюрократии нечего делать с ценностями. Она не знает ни социальной справедливости, ни политической свободы. Но она должна функционировать, побуждать к функционированию политико-экономико-социальную систему, приводить ее в движение в целом. Бюрократия не преследует цели водворять истины. Она не может принимать в расчет индивидуальности. Она подчиняется единственному — результативности. Да, могут продолжить рассуждение, эта машина действует, чтобы достичь цели, поставленной политикой, и эта цель включает в себя ценность. Отнюдь нет! Если политическая цель поставлена, она выхолащивается в этом механизме и вскоре теряет всякое содержание. Администрация не знает больше, что значит подчиняться центральному руководству, так же как не знает и ценностей. Каждый просто озабочен тем, чтобы его политико-экономико-социальный сектор хорошо функционировал, без кризисов и заминок; каждый знает свой сектор и не знает целого» [там же].

Эффективность и рациональность в бюрократическом смысле понимаются именно как характеристики способности организации продемонстрировать определенный результат, выраженный во внешне фиксируемых (желательно квантифицируемых)¹² признаках. К содержательной/материальной/ценностной рациональности у бюрократии ключа нет, потому что она оперирует формально или инструментально-рациональными стратегиями. Бюрократию в процессе органи-

¹¹ Что не исключает, конечно, самой возможности сочетания бюрократической машинерии и «ручного управления» как механизмов координации деятельности в организации. Причем это последнее, как мы видели, может сталкиваться со значительными трудностями, будучи опосредованным бюрократическими процедурами.

¹² О проявлениях квантофренической болезни и смежных патологий в сфере администрирования науки и образования см., например, в: [Кулешова, Подвойский, 2018; Мюллер, 2019]. Также см.: Подвойский Д. Над пропастью с отчетом // Центр социального проектирования «Платформа». 2019. 25 марта. URL: <https://pltf.ru/2019/03/25/nad-propastju-s-otchetom-o-prodelannoj-rabote-denis-podvojskij/> (дата обращения: 30.10.2020).

зованного коллективного (взаимо)действия, который она стремится регулировать, интересуют не столько цели, сколько процесс «оптимизации» их достижения при помощи определенных средств. Поэтому *выхолащивание* (целей, сути, содержания и т. п.) при характеристике бюрократического *modus operandi* — ключевое и очень точное слово. Средства становятся важнее цели, превращающейся в «добрых руках» бюрократии в ускользающую реальность.

Если, например, почему-то признано (кто-то так решил), что критерием качества работы научного сотрудника, преподавателя, музыканта или актера является отчетность, например, выигранные гранты, число публикаций или использование компьютерных технологий в учебном процессе, количество сыгранных концертов или спектаклей, то бюрократия будет следить только за этим. Годы, проведенные за чтением или экспериментами, тексты, написанные в стол, бесконечные репетиции, оттачивающие мастерство, — при таком подходе учитываться не будут. Здесь под эффективностью деятельности понимается то, что вырабатывается как мерило эффективности самой бюрократией.

Так бюрократия приобретает счастливую возможность служить себе, а не группе, проблемы которой она призвана решать (на уровне деклараций). Ценности для нее непостижимы, любые действия ее оптика раскладывает на алгоритмы, процедуры, операции, внешние показатели и фиксируемые признаки, например, место в рейтинге, цитируемость, «остепененность» (профессорско-преподавательского состава), «защищаемость» (диссертаций), посещаемость, наполняемость, обращаемость к ресурсу, заболеваемость и процент выздоровлений, раскрываемость (преступлений), исполняемость (майских, июньских, сентябрьских и пр. указов), «купаемость», «гуляемость, повышаемость сознания»¹³, и т. п. Какое реальное положение вещей скрывается за всеми этими индикаторами «продуктивности» деятельности можно лишь гадать, поскольку содержание и фактическая картина имеют для бюрократии сугубо второстепенное значение. Отчетные показатели для нее гораздо важнее существа дела, тем более, в интересах отчетности всегда можно поиграть с цифрами¹⁴.

Всегда ли и везде ли происходят подобные организационные трансформации? Можно утверждать, по крайней мере, что их риск довольно велик. И причины этого коренятся не только в туманных глубинах человеческой природы, как бы мы ее ни понимали, но и имеют во многом социально-структурное происхождение.

Роберт Мертон — признанный мастер гибких и пронизательных функционалистских вердиктов в отношении различных социальных институтов — вынужден констатировать: и у «идеальной» (в веберовском значении) бюрократии есть свои специфические дисфункции. Если процедура ставится выше цели, а форма начинает доминировать над сутью, то это может быть на руку самой бюрократии (в краткосрочной или среднесрочной перспективе, с точки зрения ее собственных узко корпоративных интересов), но способно привести организационную структуру к кризису или даже к гибели в перспективе долгосрочной, поскольку деятельность, дающая жизнь организации как таковой, перестанет фактически должным

¹³ Фрагмент песни «Да здравствует сюрприз» из кинофильма «Незнайка с нашего двора» (1983). — *Примеч. ред.*

¹⁴ Хотя этот навык является скорее элементом профессионального репертуара для т. н. «неидеальной» бюрократии.

образом осуществляться. Если заставлять армию систематически участвовать исключительно в чернильных битвах, то война, которая ведется в реальности, а не на бумаге, скорее всего, будет проиграна. И штабу победные реляции при такой обстановке на фронтах в конечном счете не помогут.

«Строгое соблюдение правил, первоначально задуманное как средство, превращается в самоцель, происходит хорошо известный процесс замены цели, из-за которого „техническая ценность становится конечной ценностью“. Дисциплина, легко интерпретируемая как конформизм к регулирующим инструкциям в любой ситуации и не рассматриваемая как мера, запланированная для специальной цели, тем не менее становится непосредственной ценностью для бюрократа в организации, с которой связана его жизнь. Такой акцент, возникающий из замены первоначальной цели, развивается в непреклонность и неспособность легко справляться с регулированием вопросов. Формализм, даже ритуализм, стремится с настойчивостью, не вызывающей сомнений, к педантичному исполнению правил и к формализованным процедурам. Это может быть преувеличено до такой степени, когда первоначальная забота о конформистском отношении к правилам начинает наносить вред целям организации, в этом случае мы получаем хорошо известный феномен формализма или волокиты чиновников» [Мертон, 2006: 328—329].

То есть у бюрократии в процессе ее деятельности начинают залипать кнопки. Она концентрируется на форме и правилах, психологически прикипает к ним. Бесконечные апелляции к процедурам, пристрастие к регламентам и нормативным документам, верность «букве, а не духу» становятся отличительными чертами бюрократического стиля деятельности в организациях, какие бы содержательные задачи этими структурами ни решались. «Смещение чувств от целей к средствам способствует развитию огромного символического значения средств (правил)» [там же: 330].

Ситуации, в которых цель ускользает, а средства торжествуют, при всей кажущейся противоречивости встречаются в организационной жизни отнюдь не редко. Машина тарахтит, гремит, но никуда не едет. Работа двигателя на холостом ходу просто сжигает топливо. Механизм, включающий разнообразные арсеналы «рациональных» средств целедостижения, начинает работать на себя, на самовоспроизводство, а не на декларируемую цель, — хотя и обычно под ее номинальным, декоративным прикрытием, обеспечивающим необходимую легитимацию деятельности. При этом деятельность не просто умышленно имитируется¹⁵. Она совершается, но при акценте на формальные признаки результата. Бег на месте может быть достаточно изнурительным и трудозатратным, но все же оставаться именно бегом на месте (если и поскольку декларируемая содержательная цель организации не достигается).

Любое принятое решение, проходя по цепочке инстанций и департаментов, может многократно искажаться или уходить в песок, результаты имитироваться и симулироваться на уровне отчетности, данные подлежать фабрикации, сама деятельность профанироваться и, как уже говорилось, выхолащиваться. Мания и фетишизация отчетности, тирания формализованных показателей результатив-

¹⁵ Правда, порой и такое случается.

ности, квантофрения, догматический ритуализм шаблонов и документов, «канцелярщина» и «крючоктворство» (неважно — в старой ли, бумажной или в новой, электронной версии, или — и в той, и в другой одновременно), — суть типичные патологии современных организационных систем разного уровня.

Погоня за показателями, — например, стремление к включению в разного рода рейтинги и перманентному повышению позиций в них, — в условиях жесткой институциональной конкуренции за дефицитные ресурсы и неравного распределения благ между коллективными акторами, как действия, совершающиеся в целях увеличения финансирования (отрасли, конкретного учреждения, и т. д.), в специфически бюрократической логике кажутся и разумными, и оправданными, поскольку финансирование является важнейшим внешним условием деятельности. Однако легко можно себе представить ситуацию, при которой упорная борьба менеджмента за место под солнцем, направленная на достижение такого формального результата, приведет к параличу содержательной активности организации, сделает ее малоспособной к решению корневых (внутренних) задач.

Многие виды социальных, в том числе профессиональных, практик, превращаются в сущий кошмар для вовлеченных в них индивидов, если становятся мелочно регламентированными и избыточно контролируруемыми. При этом деятельность, совершаемая как операция (машинообразно), во многих случаях утрачивает свою ценностно окрашенную значимость для индивида, то есть попросту теряет для него смысл.

Современные организационные реалии перманентно генерируют поток антибюрократической критической рефлексии в различных профессиональных средах, нередко облакаемой в едкие сатирические формы. В публичном, в т. ч. сетевом, пространстве циркулируют многочисленные вариации анекдотов про врачей и профессоров, которых пациенты и студенты отвлекают от «нормальной» работы с документацией, или про обезьяну, ничего не смыслящую ни в какой содержательной деятельности, но вполне пригодную для выполнения функций «эффективного менеджера», способного «оптимизировать» (читай — развалить) любую работу, и т. д. Но колкие замечания в адрес бюрократии положения обычно не меняют, а дела в организациях идут своим чередом.

Стремящаяся к самовоспроизводству институциональная машина бюрократии совершенствует свой адаптационный потенциал и вырабатывает мощную инерцию, хотя обычно питается «чужими соками» (а именно того вида деятельности, который подлежит бюрократической координации и администрированию). При этом власть бюрократии в организациях обычно поддерживается благодаря монополизации ее представителями контрольно-распорядительных функций, из-за чего низовое индивидуальное и даже групповое сопротивление административному прессингу оказывается малорезультативным.

Казалось бы, повар должен готовить, актер — играть, врач — лечить, учитель — учить, преподаватель — преподавать, ученый — исследовать, военный — воевать, но не писать бесконечные отчеты о проделанной работе. Музыкант, артист, экскурсовод-искусствовед или эксперт-криминалист из уголовного розыска не должны заполнять бухгалтерские книги, но порой приходится... Бюрократический формализм проводит в жизнь принцип «мертвый хватает

живого». В ряде случаев, отнюдь не только теоретически вообразимых, но и эмпирически наблюдаемых, бюрократия как короста нарастает на теле «живого» коллективного предприятия и парализует его, мешает ему делать дело, для которого оно было создано.

Бюрократию можно сравнить с вирусом, создающим для и под себя, навязывающим всем вокруг бумажно-файловую документо-отчетно-канцеляристскую вселенную, притом часто относительно герметичную или параллельную, т. е. мало пересекающуюся с теми реально-содержательными процессами, которые осуществляются в организации в прямом соответствии с ее фактическим предназначением. Однако, сама эта генерируемая административным классом дубликатная вселенная, увы, становится по последствиям столь же реальной, как фикус-душитель, высасывая все (или почти все [чтоб не загнулся окончательно]) жизненные соки из своего «хозяина». Могучая колонна полусохшего великана-жертвы позволяет паразиту зеленеть, расти и конкурировать с другими социальными агрегатами за солнечный свет (дефицитные блага и ресурсы, финансы и т. п.).

Пущенные в ход организмические аналогии подталкивают к неприятным выводам. Картина заболевания при худшем сценарии протекания напоминает развитие злокачественной опухоли. Система сама производит клетки, которые медленно убивают и отравляют ее изнутри. И так, мы видим, что некоторые институциональные формообразования, возникающие в ответ на стремление группы к выживанию и упорядочению индивидуальных или коллективных практик, направленные на оптимизацию процессов целедостижения в сложных социальных системах, вполне способны оборачиваться если и не смертельным исходом для подобных систем, то, по меньшей мере, их сущностной деградацией и вырождением. Это не означает, как правило, что система умирает в одночасье. Просто она начинает чахнуть и увядать, возможно, сохраняя в течение определенного времени минимально необходимый для поддержания собственного существования уровень жизненных сил. Жизнь в клетке может как-то продолжаться, но навыки расправления крыльев и свободного полета при этом постепенно атрофируются.

Новое звучание, хотя и с угадываемыми старыми нотками, тема организационных трансформаций обретает в классической статье П. Димаджио и У. Пауэлла. В ней речь идет о временах уже сравнительно близких — второй половине 20 столетия. И здесь в очередной раз разговор начинается с Макса Вебера. В своих рассуждениях авторы отталкиваются от веберовской трактовки всемирно-исторического тренда рационализации. Показательно и название самого текста, прямо адресующее к знаменитой метафоре «стального панциря», скорректированного переводческим решением Т. Парсонса¹⁶: «Новый взгляд на „железную клетку“: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях» [Димаджио, Пауэлл, 2010].

Сама клетка никуда не делась, она просто постоянно совершенствуется. Впоследствии Джордж Ритцер, продолжая игры с социологическими аллегория-

¹⁶ См. подробнее о «кросс-лингвистических» приключениях этой веберовской метафоры в: [Baehr, 2001].

ми, заметит: возможно, многим нашим современникам клетка рациональности уже не кажется клеткой — мрачной темницей с решетками и замками. Общество потребления научилось мастерить гламурно-комфортные тюрьмы из бархата и резины, со стразами и вкусом клубнички, однако, как бы то ни было, «клетки, будь они бархатными, резиновыми или железными, являются структурами, и поэтому они (и те, кто их поддерживает) сопротивляются всем усилиям их модифицировать» [Ритцер, 2011: 495].

Железная клетка — излюбленный критиками символ бюрократизации и рационализации, победоносно шествующих по планете. Вебер считал, что эти тенденции набирают силу по ходу развития капитализма, отражая стремление организаций, фирм, предприятий, государства в условиях рыночной конкуренции к эффективности экономического, политического, правового, технического управления. Кто рациональнее, тот эффективнее, и, соответственно, побеждает в конкуренции (возможно, правда, — это некоторое упрощение веберовской мысли).

Однако, ситуация, к последней четверти 20 века, по мнению Димаджио и Пауэлла, стала иной. Причем диагностируемый тренд остается «грустным»: организации стремятся по целому ряду причин к институциональному изоморфизму, т. е. гомогенизируются, становятся похожими друг на друга. А, следовательно, в сущности, деятельность все более стандартизируется, нормируется. В деловой сфере разнообразия и проявления инициативы, автономии, свободы обнаруживается все меньше, хотя предметом исследования в статье является не только коммерческий сектор, но и государственные, медицинские, образовательные, культурные учреждения. Ассоциации с обсуждавшимся выше прогнозом Шумпетера возникают здесь сами собой.

Вот как сами они об этом пишут: «В „Протестантской этике и духе капитализма“ Макс Вебер предупреждал, что возвещённый... аскетизмом дух рационализма по-настоящему восторжествовал, и в условиях капитализма рационалистический порядок превратился в „железную клетку“, в которой человечество... оказалось заключено, „вероятно, до той поры, пока не прогорит последняя тонна угля“. Позже Вебер вернулся к этой теме, утверждая... что как организационное проявление рационального духа бюрократия представляет собой столь эффективное и сильное средство контроля над людьми, что, единожды восторжествовав, бюрократизация становится необратимой...

...Причины бюрократизации и рационализации изменились. Бюрократизация корпораций и государства — свершившийся факт. Организации по-прежнему становятся всё более единообразными, и бюрократия остаётся всеобщей организационной формой. Сегодня, однако, кажется, что структурные изменения в организациях всё менее и менее движимы конкуренцией или потребностью в увеличении эффективности... Вместо этого бюрократизация и другие формы организационных изменений возникают как результат процессов, которые делают организации более похожими, не обязательно повышая их эффективность... В долгосрочной перспективе принимающие рациональные решения организационные акторы выстраивают вокруг себя среду, которая ограничивает их способность изменяться в дальнейшем» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 35—36, 37].

Бизнес, большой и не только, берет пример с государства, а государство и зависимые от него учреждения социальной сферы пытаются подражать бизнесу¹⁷. В результате структуры «рационального» организационного космоса оказываются по сути изоморфными: «Рациональное управление вытесняет небюрократические формы, школы обретают структуру рабочего места, администрирование больниц и университетов всё больше напоминает руководство коммерческими фирмами, и модернизация мирового хозяйства не встречает сопротивления... По мере того как формальная рациональность бюрократии расширяется до пределов сегодняшней организационной жизни, продолжается неуклонная гомогенизация организационных структур» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 49].

У тенденций к гомогенизации и унификации в организационной жизни существует множество причин. Государство со своей правовой системой давит, профессиональные ассоциации с их видением правил поведения в конкретных сферах давят, университеты штампуют стандартные кадры, периферия подражает лидерам и центру в погоне за успехом, материальными и символическими бонусами, легитимностью. Процветает организационный конформизм, желание действовать «с оглядкой на...», — не только потому, что «накажут» (или могут наказать), но и потому, что сильно опасение оказаться белой вороной, выпасть из тренда, не вписаться в колею общего движения, вектор которого может задаваться более или менее произвольно и восприниматься не критически¹⁸. Вырабатывается паттерн нежелания искать, рисковать, экспериментировать, вырабатывать свои, новые пути. Таким образом, организационная жизнь форматируется, регламентируется, стандартизируется со всех сторон. Разговоры об уникальности и преимуществах конкретного организационного опыта обычно ведутся для создания иллюзий, опять же весьма шаблонных (такую риторику могут использовать многие), однако де-факто уровень однообразия организационной жизни лишь повышается.

В погоне за ускользающей свободой

Пожалуй, приведенных иллюстраций достаточно, чтобы оценить в первом приближении направленность трансформаций, совершающихся по ходу разворачивания процессов институционализации в человеческих коллективах. Сам набор использованных выше примеров и имен теоретических попутчиков, идеи которых нам пригодились, мог бы быть иным, а выбор источников, признаваемых

¹⁷ «Чем активнее организации в поле взаимодействуют с государственными учреждениями, тем больше степень изоморфизма в поле в целом» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 48]. В значительной мере именно от государственных институтов исходит подобная «зараза» — пристрастие к унификации, регламентации, стандартизации, страсть к документированию всякой деятельности и кодификации норм. Ср. напр., в области образования: бесконечные сертификационные и аккредитационные процедуры, сменяющие друг друга государственные стандарты, и т. п. Крупные институциональные игроки не только ориентируются на бюрократический дрейф министерств и ведомств, но и с особым рвением создают собственные административно-канцелярские, учетно-контрольные локальные миры и «мирки». Внутренний документооборот организации порой работает на опережение, — обгоняя и упреждая желание государственных органов что-то регламентировать и проверять.

¹⁸ «Организации склонны моделировать себя по образцу сходных организаций в том же поле, воспринимаемых как более легитимные или успешные. Повсеместное проникновение некоторых структурных элементов можно связать скорее с универсальными подражательными процессами, чем с какими-либо конкретными доказательствами того, что освоенные модели повышают эффективность» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 43]. Очень показательный пример из опыта современного российского высшего образования — стремление руководства многих университетов подражать «законодателям мод» в институциональном поле, скажем, Высшей школе экономики, или (порой консервативным) «тяжеловесам с именем», таким как МГУ.

релевантными, во многом остается делом вкуса. Между тем, стоит задать вопрос: к каким выводам подталкивает читателя представленный здесь весьма фрагментарный концептуальный коллаж?

Преобразование агрегатного состояния социального вещества, которое можно наблюдать при изучении процессов институционализации в разных сферах человеческого опыта, нередко оборачивается последствиями *не в пользу самоопределяющегося агента*, а сам агент в итоге *попадает на крючок* к созданным им самим, его современниками и предшественниками институтам. У диагностированной философами трагедии жизни и культуры, творчества и объективации кроме метафизического есть и свое феноменальное измерение — процессуальная логика, воплощающаяся на арене общественных отношений в механизмах институционализации человеческой деятельности.

Всякая деятельность людей неизбежно фреймирована, паттернирована, габитуализирована, правилосообразна — как на собственно институциональном, так и на повседневном уровне, четкой грани между которыми, в сущности, нет. Субъективно и объективно «организованный» характер человеческой деятельности является предпосылкой согласованного социального опыта, обеспечения минимально приемлемого стандарта взаимопонимания/коммуникации между участниками интеракций, а также необходим (в итоге) для более или менее слаженного функционирования общества как структурно упорядоченного комплекса связей, ролей, позиций и т. п. Не только поведенческая в узком смысле, но и психическая, ментальная, когнитивная, эмоциональная, языковая активность индивида тоже определенным образом координированы и упорядочены. И это связано не только с особенностями биопсихической конституции человека, но и с тем, что он всегда живет в окружении других людей, и вступает с ними в определенные отношения, принимающие в ходе социально-исторической эволюции те или иные систематические формы¹⁹.

Содержание опыта, особенно опыта социального²⁰, дано только в кристаллизующихся формах. Отсюда логически следует неизбежность реификации/овеществления и объективации человеческих отношений в институтах, традициях, обычаях, языке, морали, юридических кодексах, формах коллективного сознания. Эти «сотворенные боги общественного Олимпа» оказываются весьма требовательными и даже порой кровожадными. Хотя вся сила подобных Существ опирается, в конечном счете, лишь на [вероятно, неискоренимую] готовность верующих и жертвователей, воздвигающих в их честь храмы и алтари, им поклоняться.

Социологическая теория — притом на вполне школьном, «элементарном» уровне — вынуждена констатировать: внеинституциональные формы совместного существования людей трудно представимы. Поэтому «борьба с институтами», —

¹⁹ Некоторые подходы к обозначенному кругу проблем (не являющиеся, впрочем, новыми) очерчены и обобщены в публикациях автора: «„Этот мир придуман не нами“? О роли знаний в конструировании реальности (классики и современники)» [Обыденное и научное знание об обществе..., 2015: 65—95]. «(Со)знание как инструмент „устроения миров“: мультидисциплинарная перспектива» [Подвойский, 2018: 274—301]. «Мир повседневности и „аксиомы“ практического сознания: социально-теоретические пролегомены» [Подвойский, 2016: 178—197]. «Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности», «Рождение правил, или „с чего начинается общество?“ (нормативные атрибуты социального и оппозиция „субъект — структура“» [Нормы и мораль в социологической теории..., 2017: 43—90].

²⁰ Хотя бы потому, что мой социальный опыт зависит далеко не только от меня.

в чем бы она ни заключалась и чем бы ни оправдывалась, — не может иметь целью их полное уничтожение и водворение жизни на внеинституциональной основе. И речь не идет о том, что есть на свете *хорошие* люди, с одной стороны, и закрепощающие и подавляющие их *плохие* институты, с другой. Увы, ... но порой люди не столь хороши, а институты не так уж плохи.

Наконец, само противопоставление индивида и общества в известном смысле условно, т. к. индивид с его «свободой» и «творчеством» вне общества так же невозможен и сам является результатом и продуктом определенных социально организованных/исторически сложившихся обстоятельств и контекстов [Элиас, 2001]. Поэтому призывы к до-, не- и вне-социальной жизни [человека как такового (которого не существует и никогда не существовало), пребывающего в т. н. «естественном состоянии»] утопичны и смахивают на наивный квазируссизм.

Можно утверждать (и не без оснований), что наличие институтов «функционально целесообразно» и само по себе является формальным инвариантом социальной жизни. Можно добавить также, что само существование институтов отчасти изоморфно и коррелирует с организацией биологической, психической и лингво-когнитивной конституции человека как существа *suī generis*, и эта связь взаимна. Институты — своего рода тропы (местами даже качественно оснащенные и с электрическим освещением), и без них пути человеческих жизней походили бы на продирание впотьмах через дремучий лес или на траекторию бешеной блохи.

Расхожая социологическая истина гласит: окружающие нас «объективные» социальные структуры (а также продукты их интернализации, их «двойники» в субъективном мире, — коллективные представления, «габитусы», системы установок, образцов и ценностных ориентаций, духовная культура, язык, и т. п.) дают возможности, открывают перспективы и ограничивают, оказывают давление одновременно. Институты не только притесняют, но и защищают²¹, — например, от злонамеренной воли конкретного или абстрактного «другого», ставят рамки индивидуальному произволу, избавляют от кошмара непредсказуемости.

Без рутин, правил и институтов, внешней и внутренней регуляции совместная жизнь людей была бы невозможна. Но на каком-то этапе люди обнаруживают, что оказались заперты в клетку. И по этой тонкой грани между спонтанностью жизни и принудительностью социальных сил человечеству как по лезвию приходится ходить на протяжении тысячелетий.

Могут ли вообще институты быть «друзьями» людей? По-видимому — да. Тем более, не следует забывать, что институты институтам рознь. Однако, вопрос этот лучше оставить открытым, поскольку его надо обсуждать отдельно. Здесь мы лишь попытались показать, что *некоторые* социально-институциональные структуры — в ряде опознаваемых, вполне типических случаев — демонстрируют предрасположенность к превращению в «тюрьмы» для их у/строителей, и эта тенденция (наряду с другими) носит имманентный характер, являясь отражением противоречивой логики/механики процессов социального конструирования реальности... Ведь грустные истории, наверное, тоже нужны...

²¹ В логике рассуждений Гоббса институты есть средство защиты от *bellum omnium contra omnes* (и не только от нее), — хоть какая-то (возможно, не идеальная) гарантия-противоядие от хаоса, которым может обернуться ничем не ограниченная «свобода» участников социальных интеракций.

Список литературы (References)

Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Царство Духа и царство Кесаря / Бердяев Н. А. М.: Республика, 1995. С. 287—356.
Berdyayev N. A. (1995) An Essay on Eschatological Metaphysics. Creation and Objectivization. In: Berdyayev N. A. *The Realm of Spirit and the Realm of Caesar*. Moscow: Respublika. P. 287—356. (In Russian).

Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Издательство МГУ, 1994. С. 168—215.
Blumer H. (1994) Collective Behavior. In: Dobrenkov V. I. (ed.) *American Sociological Thought: Texts*. Moscow: Moscow University Press. P. 168—215. (In Russ.)

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология.
Weber M. (2016) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. Vol. I. Sociology. (In Russ.)

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. Т. IV. Господство.
Weber M. (2019) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. Vol. IV. Domination. (In Russ.)

Гараджа В. И. Социология религии. М.: Наука, 1995.
Garadzha V. I. (1995) *Sociology of Religion*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / пер. Г. Б. Юдина // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34—56.
DiMaggio P., Powell W. (2010) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 11. No. 1. P. 34—56. (In Russ.)

Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 494—516.
Simmel G. (1996) The Conflict of Modern Culture. In: Simmel G. *Selected Works*. Moscow: Jurist. Vol. 1. Philosophy of Culture. P. 494—516. (In Russ.)

Зотов А. А. Концепция трансформации капитализма Й. А. Шумпетера // Глобализация и социальные институты: социологический подход / под отв. ред. И. Ф. Девятко, В. Н. Фоминой. М.: Наука, 2010. С. 278—294.
Zotov A. A. (2010) Joseph Schumpeter's Conception of Capitalist Transformation. In: Deviatko I. F., Fomina V. N. (eds.) *Globalization and Social Institutions: A Sociological Approach*. Moscow: Nauka. P. 278—294. (In Russ.)

Кракауэр З. Служащие: из жизни современной Германии. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.
Kracauer S. (2015) *Die Angestellten. Aus dem neuesten Deutschland*. Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi. (In Russ.)

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. (2018) Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>. (In Russ.)

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 1—508.

Marx K. (1968) Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. In: Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 46. Part 1. Moscow: Politizdat. P. 1—508. (In Russ.)

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST. (In Russ.)

Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: в 5 тт. М.: Мысль, 1997. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. С. 185—197.

Michels R. (1997) Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. In: *Anthology of World Political Thought: in 5 vols*. Moscow: Mysl. Vol. II. Foreign Political Thought Abroad. XXth Century. P. 185—197. (In Russ.)

Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. URL: <http://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=3569> (дата обращения: 30.10.2020).

Moscovici S. (1998) *La Machine a Faire des Dieux*. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii. URL: <http://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=3569> (accessed: 30.10.2020). (In Russ.)

Мюллер Дж. Тирания показателей: как одержимость цифрами угрожает образованию, здравоохранению, бизнесу и власти. М.: Альпина паблишер, 2019.

Muller J. (2019) *The Tyranny of Metrics*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / под отв. ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Весь Мир, 2017.

Deviatko I. F., Abramov R. N., Katernyi I. V. (eds.) (2017) *Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Conceptions to New Ideas*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)

Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. Deviatko I. F., Abramov R. N., Katernyi I. V. (eds.) (2015) *Ordinary and Scientific Social Knowledge: Interconnections and Reconfigurations*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)

Подвойский Д. Г. Мир повседневности и «аксиомы» практического сознания: социально-теоретические пролегомены // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 178—197. <https://doi.org/10.5840/eps201649358>.

Podvoyskiy D. G. (2016) The World of Everyday Life and the “Axioms” of Practical Consciousness. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 49. No. 3. P. 178—197. <https://doi.org/10.5840/eps201649358>. (In Russ.)

Подвойский Д. Г. (Со)знание как инструмент «устроения миров»: мультидисциплинарная перспектива // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 274—301. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-274-301>.

Podvoyskiy D. G. (2018) Knowledge and Consciousness as a “World-Constructing” Tool: A Multidisciplinary Perspective. *Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 1. P. 274—301. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-274-301>. (In Russ.)

Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.

Ritzer G. (2011) *The McDonaldization of Society 5*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социология революции. М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. Sorokin P.A. (2005) *Sociology of Revolution*. Moscow: Territoriya budushchego; ROSSPEN. (In Russ.)

Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007.

Spencer H. (2007) *The Man Versus the State*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.)

Уайт У. Х. Организационный человек (1—2 главы) // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4. Вып. 13—14. С. 281—302.

Whyte W. H. (2002) The Organization Man (Chapters 1 & 2). *Personality. Culture. Society*. Vol. 4. No. 13—14. P. 281—302. (In Russ.)

Уайт У. Х. Организационный человек (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 15—16. С. 230—253; Т. 5. Вып. 17—18. С. 258—269.

Whyte W. H. (2003) The Organization Man (Fragments). *Personality. Culture. Society*. Vol. 5. No. 15—16. P. 230—253; Vol. 5. No. 17—18. P. 258—269. (In Russ.)

Уайт У. Х. Организационный человек (окончание) // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. Вып. 25. С. 63—79.

Whyte W. H. (2005) The Organization Man (Conclusion). *Personality. Culture. Society*. Vol. 7. No. 25. P. 63—79. (In Russ.)

Фэрис Э. Секта и сектант // Чикагская школа социологии. Сборник переводов / под ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 351—365.

Faris E. (2015) The Sect and the Sectarian. In: Efremenko D. V. (ed.) *Chicago School of Sociology. Collection of Translations*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences. P. 351—365. (In Russ.)

Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу: как контркультура создает новую культуру потребления. М.: Добрая книга, 2007.

Heath J., Potter A. (2007) *The Rebel Sell: Why the Culture Can't Be Jammed*. Moscow: Dobraya kniga. (In Russ.)

Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. URL: http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem (дата обращения: 30.10.2020).

Schumpeter J. A. (1995) *Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Ekonomika. URL: http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem (accessed: 30.10.2020). (In Russ.)

Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

Elias N. (2001) *Die Gesellschaft der Individuen*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Эллиул Ж. Политическая иллюзия / пер. с фр. В. В. Лазарева. М.: Nota Bene, 2003. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/ellul.html> (дата обращения: 30.10.2020).

Ellul J. (2003) *L'Illusion Politique*. Moscow: Nota Bene. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/ellul.html> (accessed: 30.10.2020). (In Russ.)

Baehr P. (2001) The “Iron Cage” and the “Shell as Hard as Steel”: Parsons, Weber, and the Stahlhartes Gehäuse Metaphor in the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. *History & Theory*. Vol. 40. No. 2. P. 153—169. <https://doi.org/10.1111/0018-2656.00160>.

Edwards L. P. (1970) *The Natural History of Revolution*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. (In German).

Mills Ch. W. (2002) *White Collar: The American Middle Classes*. New York, NY: Oxford University Press.

Troeltsch E. (1994) *Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen*. Stuttgart: Mohr. (In German)

Whyte W. H. (2002) *The Organization Man*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.